МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Г. П. ГАЛАГАНА.

Григорій Павловичъ Галаганъ (р. 1819 † 1888) принадлежитъ къ числу тѣхъ общественныхъ дѣятелей, память о которыхъ не должна быть забыта. Слишкомъ много и благотворно потрудился онъ въ дѣлѣ крестьянской реформы, принимая горячее участіе въ другихъ реформахъ, прославившихъ царствованіе императора Александра II, и во всякомъ случаѣ заслужилъ право на подробную біографію. Желая почтить память Г. П. Галагана по случаю десятилѣтія со времени его смерти, мы полагаемъ здѣсь начало матеріаламъ для такой біографіи.

Для полной оцѣнки общественной дѣятельности Галагана, біографія его должна захватывать всю жизнь малорусскаго помѣстнаго дворянства за время до освобожденія крестьянъ, такъ какъ бытовыя условія этой жизни и возбудили ту энергію дѣятельности Галагана, которая составила ему имя.

Когда въ 1858 г. обнародованы были извѣстные рескрипты, то вслѣдъ за ними объявилось нѣсколько помѣщиковъ, которые съ своей стороны публично заявили о своей солидарности съ освободительными начинаніями правительства и стали въ первые ряды его помощниковъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Малороссіи такими помѣщиками явились Г. П. Галаганъ и В. В. Тарновскій. Еще недавно напечатано письмо Тарновскаго къ Галагану, писанное въ 1858 г., когда вопросъ объ

освобожденіи крестьянъ уже публично обсуждался и сильно волновалъ помѣщиковъ: „*будемъ постоянно проповѣдывать*, что грѣшно и безнравственно при освобожденіи обобрать людей, которыхъ мы довели до нищеты и нравственнаго униженія, и что слѣдуетъ великодушно раздѣлиться съ ними по-братски.. Намъ нужно горѣть любовью къ братьямъ нашимъ, надѣть кресты и идти въ крестовый походъ противъ невѣрующаго и развращеннаго дворянства и побѣждать не оружіемъ, а силою слова, силою любви къ братьямъ нашимъ“ [1])... Эти слова показываютъ, что какъ писавшій ихъ, такъ и тотъ, кому они писались, были людьми исключительными въ средѣ помѣщиковъ. До сихъ поръ еще не обнародованы свѣдѣнія о томъ участіи, которое принимали Галаганъ и Тарновскій въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ вообще и въ Малороссіи особенно; но участіе это было настолько значительно, что будущій историкъ этого освобожденія не долженъ забыть ни Галагана, ни Тарновскаго, особенно когда будетъ говорить о дѣятельности въ крестьянскомъ вопросѣ велик. княгини Елены Павловны, постоянно призывавшей къ себѣ на совѣтъ по сему вопросу этихъ двухъ *помѣщиковъ* [2]).

Участіе Галагана въ крестьянскомъ вопросѣ и затѣмъ послѣдующая ревностная его дѣятельность въ крестьянскихъ, земскихъ и судебно-мировыхъ учрежденіяхъ создала ему имя человѣка, горячо преданнаго общественнымъ интересамъ, при чемъ эта дѣятельность заключилась громаднымъ имущественнымъ пожертвованіемъ, потребовавшимся для учрежденія *Коллегіи Павла Галагана*.

Въ виду такихъ заслугъ Галагана, какъ общественнаго дѣятеля, журналъ, посвященный историческому изученію Мало-

---

[1]) Русск. Стар. 1898 г., апрѣль, „*На зарѣ крестьянской свободы*“.

[2]) Конечно, и теперь сохраняется въ Сокиренской усадьбѣ покойнаго Г. П. Галагана извѣстная картина Соколова — *Рекруты*, (а въ оффиціальныхъ тогдашнихъ каталогахъ — *Парубки*); картину эту подарила Г. П. Г—ну вел. кн. Елена Павловна въ память его близкаго участія въ предварительныхъ совѣщаніяхъ по крестьянскому вопросу.

россіи, считаетъ своею обязанностью позаботиться объ обнародованіи матеріаловъ для описанія жизни Галагана и его времени. На первый разъ мы печатаемъ отрывки изъ юношескаго дневника Галагана, за 1836—1841 годы.

I.

Отрывки изъ юношескаго дневника Г. П. Галагана.

Въ числѣ бумагъ Г. П. Галагана, хранящихся въ *Коллегіи Павла Галагана*, между прочимъ, имѣется дневникъ Г. П. Галагана, начатый имъ съ 1836 г., т. е. съ 17-тилѣтняго его возраста. Дневника этого сохранилось двѣ тетради, за пять, неполныхъ, лѣтъ (1836—1841) и кромѣ того нѣсколько *карманныхъ записныхъ книжекъ*, за позднѣйшіе годы, въ которыхъ Галаганъ отмѣчалъ отрывочные факты изъ своихъ житейскихъ встрѣчъ, записывая ихъ, повидимому, лишь случайно.

Двѣ тетради дневника Галагана за первыя пять лѣтъ заключаютъ въ себѣ записи съ большими промежутками, бывшими слѣдствіемъ, какъ онъ самъ говоритъ, его лѣни [1]).—Отрывки изъ этого юношескаго дневника мы здѣсь и печатаемъ, при чемъ выбираемъ мѣста, гдѣ выпукло рисуется личность самого автора и современное ему общество, въ лицѣ его сосѣдей—полтавцевъ. Многихъ мѣстъ изъ этого дневника печатать, впрочемъ, нельзя еще по цензурнымъ и другимъ причинамъ, при чемъ всѣ эти опускаемыя нами мѣста заключаютъ въ себѣ эпизоды изъ семейныхъ и сосѣдскихъ отношеній Галагановъ и изъ нѣкоторыхъ юношескихъ вспышекъ самого Галагана.

Для того чтобы печатаемые здѣсь „отрывки“ были понятнѣе, необходимо сказать нѣсколько словъ о Ф. В. Чижовѣ, который въ захватываемое дневникомъ время былъ воспитате-

---

[1]) Юношескій дневникъ Галагана заключается въ двухъ тетрадяхъ, въ 4-ю д. л.; въ первой (1836—39) и второй (1839—41) тетрадяхъ—по 131 двойн. стр.

лемъ Галагана. Личность этого замѣчательнаго человѣка болѣе или менѣе извѣстна, и мы тутъ сообщимъ о немъ лишь коротенькія свѣдѣнія.

Не знаемъ, съ какого именно времени Чижовъ сталъ въ роль наставника-руководителя Галагана, но въ началѣ 1836 г. онъ уже исполнялъ обязанности его ментора. Не знаемъ также, при какихъ обстоятельствахъ Чижовъ былъ выбранъ въ наставники, но если этотъ выборъ былъ сдѣланъ самою матерью Галагана, то онъ свидѣтельствуетъ о незаурядномъ умѣ послѣдней.

Федоръ Васильевичъ Чижовъ, по происхожденію костромичъ, родился въ 1811 году, учился въ петербургскомъ университетѣ по физико-математическому факультету и окончилъ его въ 1832 г. со степенью кандидата. Черезъ годъ онъ приглашенъ былъ въ этотъ же университетъ преподавать начертательную геометрію, а въ 1836 г. за диссертацію „О общей теоріи равновѣсія“ Ч—въ получилъ степень магистра математическихъ наукъ. Ч—въ читалъ лекціи въ университетѣ до 1840 г., когда вышелъ въ отставку. Будучи присяжнымъ математикомъ, Ч—въ въ то же время интересовался и литературою: въ годъ окончанія университета онъ издалъ свой переводъ Галлама—Исторія европейскихъ литературъ въ XV—XVI стол. Въ 1841 г. Ч—въ напечаталъ другой подобный трудъ—„Призваніе женщинъ“,—передѣлку съ англійскаго. Съ 1840 по 1847 г. Ч—въ путешествовалъ по южной Европѣ, изучая славянъ и исторію искусствъ. Возвратившись изъ заграницы въ 1847 г., Ч—въ задумалъ было издавать еженедѣльный журналъ, но программа послѣдняго найдена была вредною, при чемъ о Ч—вѣ было замѣчено, что онъ—„мечтатель безполезный“ и что изъ него „не выйдетъ ничего существеннаго“, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему запрещено было жить въ столицахъ. Послѣ этого Ч—въ поселился въ кіевской губерніи и занялся тутъ шелководствомъ съ цѣлью распространить знаніе о немъ въ народѣ. Съ 1858 г. Ч—въ сталъ интересоваться промышленностью, издавалъ (вмѣстѣ съ Бабстомъ) журналъ „Вѣстникъ

Промышленности", а потомъ газету „Акціонеръ". Впослѣдствіи онъ всецѣло посвятилъ себя практической промышленности: сталъ предсѣдателемъ московскаго купеческаго банка и строителемъ желѣзныхъ дорогъ. Умеръ Ч—въ въ 1877 г., „оставивъ по себѣ память высоко-честнаго, энергическаго, необыкновенно даровитаго дѣятеля", какъ выразился о немъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей русской науки [1]). Громадное свое состояніе, въ полтора милліона рублей, Ч—въ завѣщалъ на основаніе высшаго техническаго училища въ г. Костромѣ. Всю жизнь свою Ч—въ велъ дневникъ, который завѣщалъ Румянцовскому музею, съ правомъ его обнародованія по истеченіи сорока лѣтъ со времени его смерти. Послѣднее свѣдѣніе о дневникѣ Чижова можетъ указывать, что онъ же внушилъ и Галагану мысль о такомъ же дневникѣ.

Отличительною чертою дневника Галагана является *искренность* автора и *правда* событій. Такіе дневники пишутся только для себя. Дневникъ Галагана заключаетъ въ себѣ исторію мятущагося духа юноши, который ищетъ *прямой дороги* въ жизни и никакъ не можетъ ее найти, сбиваясь въ жизненныхъ противорѣчіяхъ. Несомнѣнно, что умный и энергическій учитель (Чижовъ) постоянно возбуждалъ въ своемъ питомцѣ дѣятельность мысли, направляя послѣднюю къ исканію идеала. Можетъ быть, поэтому ученикъ въ своемъ дневникѣ постоянно раздваивается: одно говоритъ онъ, какъ ученикъ Чижова и совсѣмъ другое думаетъ, какъ сокиренскій *панычъ*. Такимъ образомъ психологія Галагана постоянно двоилась и никакъ не могла установиться... Поэтому въ словахъ и дѣйствіяхъ его видится постоянное противорѣчіе, которое ставитъ юношу иногда въ положеніе трагическое. Очень часто Галаганъ самъ видитъ, что *панычевскія* его наклонности побѣждаютъ другія разсудочныя его стремленія и тогда онъ объ этомъ только оговаривается въ дневникѣ („стыжусь"), но *панычъ* въ немъ превозмогаетъ надъ ученикомъ Чижова... Такимъ образомъ печа-

[1]) Истор. Вѣстн. 1883 г., февраль, 241.

таемый дневникъ представляетъ намъ любопытныя страницы изъ внутренней жизни поставленнаго въ самое счастливое положеніе юноши-богача. Внутреннюю же свою жизнь послѣдній раскрываетъ передъ нами до мелочей, при чемъ даетъ богатые матеріалы для исторіи современнаго ему общества. Кромѣ того, въ юношескомъ дневникѣ Галагана мы видимъ нарождающагося въ немъ народолюбца и народолюбца по преимуществу малорусскаго. Люди, близко знавшіе Галагана, говорятъ, что онъ былъ большой эстетикъ. Эта сторона его духовной природы вѣроятно и положила начало его любви къ Малороссіи, какъ можно думать по нѣкоторымъ лирическимъ мѣстамъ *дневника*. Восхищеніе, напр., Сокиренцами (прилуцкое имѣніе Галагана) указываетъ, что роскошная природа Малороссіи имѣла большое вліяніе не Галагана. Любовь къ этой природѣ Галаганъ перенесъ и на свой народъ, можетъ быть не безъ вліянія въ этомъ отношеніи и Чижова, который будучи чуждымъ Малороссіи, въ то же время несомнѣнно вліялъ на общее соціальное міровоззрѣніе Галагана.—Извѣстно, что позже Галаганъ раздѣлилъ любовь къ малорусскому народу съ такъ называемымъ славянофильствомъ (видимо, подъ вліяніемъ Чижова), но это обстоятельство все таки не заслонило его малорусскихъ симпатій, придавшихъ Галагану тотъ цвѣтъ, который наиболѣе долженъ быть въ немъ цѣнимъ. Въ концѣ концовъ, поставленный въ положеніе „господина“ нѣсколькихъ тысячъ „рабовъ“, Галаганъ не отрекся отъ юношескихъ своихъ стремленій и какъ только представилась возможность, явился несомнѣннымъ защитникомъ матеріальныхъ интересовъ этихъ родныхъ ему „рабовъ“.

А. Л.

1836. Февраль. 1-го. По утру, въ 8 часовъ, пришелъ Мокр. (ицкій); я рисовалъ довольно прилежно, но не могъ этотъ разъ окончить пейзажа, потому что воспользуясь (sic) болтливостью Мокр., я съ нимъ проговорилъ съ $^1/_4$ часа. Проигравши съ Фуксомъ часъ на фортопьяно, я довольно прилежно занимался

съ Тибо, и не сдѣлалъ ошибокъ въ диктантѣ. За обѣдомъ, я въ разговорѣ вполнѣ увидѣлъ еще разъ ненависть иностранцевъ къ русскимъ: они хвалили конфекты Вольфа и Амбіеля (?) и бранили почти Рязанова и Чернышова...

19. Сегодня поутру Чижовъ далъ мнѣ урокъ физики. Какъ хорошо онъ толкуетъ! Онъ прошелъ въ одинъ урокъ то, что я съ Сюби прошелъ въ пять...

23. По утру, въ $8^1/_2$ час., я съ Сюби отправились къ доброму Чижову; оттуда съ нимъ въ университетъ, чтобъ смотрѣть физическіе опыты *Щеглова.* На лекціи были: Лобановъ съ гуверн., Сергѣй Кочубей съ гувернер., Сюби, Чижовъ и я. Опыты были презанимательные и прелюбопытные. Сверхъ того, Чижовъ показалъ намъ почти всѣ кабинеты, университетскую библіотеку и церковь...

Мартъ 1. У насъ были: Свѣтъ, Миклашевскій и другъ. Свѣтъ—премилой человѣкъ; онъ носитъ на себѣ сильной отпечатокъ Малороссіи и особливо Нѣжинскаго лицея; страстенъ къ наукамъ; часто дѣлаетъ (изъ себя?) сентиментальнаго; веселъ, но довольно неловокъ...

4. Сегодня былъ у меня Чижовъ. Что за прекрасный *человѣкъ* и *учитель*! Онъ у меня просидѣлъ отъ $8^1/_2$ до $11^1/_2$ Часъ съ четвертью занимались *тригонометріею,* проходили о *синусѣ, тангенсѣ* и проч.; потомъ разговаривали. Онъ мнѣ говорилъ, какіе его планы для будущности. О! онъ вѣрно прославится и я приготовляюсь писать его біографію. Мнѣ такъ понравились эти высокія планы что... что... право стала завидна его участь. Вопросъ: къ чему послѣ этого служитъ богатство? гдѣ человѣкъ безпрестанно развлекаемъ то должностью, то разными удовольствіями! Въ положеніи Чижова человѣкъ (любящій науку) совершенно посвящаетъ себя ей и тогда вѣрно онъ успѣетъ. А богатый—какой бы онъ ни былъ любитель науки, не можетъ предаться ей и тогда не будетъ успѣха. Послѣ этого, къ чему и заниматься богатому наукой?—Его дѣло убирать, украшать домъ, ѣздить на рысакѣ по Невскому, дѣлать бѣлье (sic), потому что безъ этого его осудятъ. Слѣдо-

вательно, гораздо лучше быть въ состояніи Чижова: онъ всегда прилично одѣтъ, всегда веселъ. Человѣкъ съ его состояніемъ можетъ давать бѣднымъ и помогать имъ, и эта жертва гораздо пріятнѣе Богу, нежели жертва богача, который даетъ бѣдному отъ своего избытка. Слѣдовательно, опять лучше быть бѣднымъ, чѣмъ богатымъ. Съ другой стороны, можно быть счастливымъ, добрымъ, не занимаясь наукой... Противорѣчіе! Вотъ какъ человѣкъ никогда не доволенъ своимъ состояніемъ! Одинъ хочетъ быть богаче, другой завидуетъ бѣдному!..

6. Вчера ввечеру былъ у насъ Чижовъ и читалъ *Джуліо Мости*. Какъ хорошо написано! Я бы право расцѣловалъ за это Кукольника. Какой легкой слогъ, какъ онъ слогъ этотъ принаравливаетъ къ тому, кто говоритъ...

12. Въ вечеру Чижовъ у насъ былъ и прочелъ второе отдѣленіе *Джуліо Мости* и *Ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичомъ*, отъ которой мы всѣ такъ разсмѣялись, что въ боку кололо...

Апрѣль 14. Сегодня я былъ послѣ обѣда у Чижова и взялъ у него урокъ изъ аналитики, о точкѣ и о линіи. Онъ мнѣ сказалъ весьма непріятную вещь: именно, онъ манкировалъ въ пятницу у Кочубея. Этотъ послѣдній спросилъ у него— отчего онъ не былъ?—„Потому что я былъ на *Сильфидѣ*!“— Такъ вы не желаете, чтобы я приготовился?—Съ кѣмъ же вы были?—„Съ Галаганомъ“. Какъ съ Галаганомъ? сказалъ Кочубей,—я не понимаю, какъ человѣкъ, который приготовляется къ университету, успѣваетъ ѣздить въ будни въ театръ...

22. Наконецъ, завтра мы отправляемся. До сихъ поръ я не имѣлъ той отважности, чтобы спросить моему сердцу (sic), довольно ли оно, что я ѣду? Посмотримъ, что оно скажетъ! *Сердце говоритъ*: я ѣду въ Секиренцы, въ мою родину, въ то мѣсто, которое мы такъ любимъ... *Разсудокъ говоритъ*: въ дорогѣ потеряется время...

Май 8. Дмитріевскъ. Мы ѣхали всю ночь и когда я подумаю, что сегодня мы въѣдемъ въ Малороссію, то мое сердце крѣпко забьется!

9. Полошки. Я въ Малороссіи! въ моемъ отечествѣ! Я не могу описать то пріятное чувство, которымъ я обладалъ (sic), войдя въ церковь [1]) и увидя, что я опять нахожусь съ мирными моими соотечественниками, которые (и мужчины, и женщины) такъ прекрасны! Пульхерія Ивановна [2]) предобрѣйшая дама и тѣмъ болѣе я ее люблю, что она такъ гонима судьбою! Садъ въ Полошкахъ очень мнѣ нравится. Теперь на дворѣ прекрасно! Соловьи, кукушки и всѣ птицы поютъ во всѣ лопатки. *Алтыновка* [3]). Мы проѣзжали чрезъ множество деревень и я вездѣ наблюдалъ за всѣми движеніями малороссіянъ. Сюби [4]) очень понравилась Малороссія и я этимъ доволенъ. Онъ находитъ въ мужикахъ что-то похожее на иностранное, напр., они брѣются, рубашку видно изъ за кафтана и они всегда имѣютъ сапоги.

10. Я въ Секиренцахъ, въ земномъ раю! Секиренцы, Секиренцы! я васъ нашелъ еще улучшенными и увеличенными. О милые, любезные, прекрасные Секиренцы! Земнымъ раемъ вы бы для насъ были, если бы жилъ творецъ и благодѣтель вашъ!

18. Вчера, *Духовъ день*, мы обѣдали въ Дегтеряхъ [5]) и очень весело провели время, катались въ лодкѣ, между тѣмъ какъ роговая музыка раздавалась въ саду...

19. Мы ѣдемъ въ Мостищи [6]), къ тетушкѣ, и заѣхали въ Ичню [7]). Здѣсь у насъ все въ порядкѣ. Я забылъ сказать, что мы обѣдали у Осипа Андреевича Миницкаго, въ Иванинѣ. Онъ добрый старикъ, но я бы не желалъ быть на его мѣстѣ: жить одному въ деревнѣ, имѣя подагру, это ужасно! Изъ Ични ввечеру мы ѣздили въ хуторъ Романовича; онъ проситъ за

---

[1]) Сегодня здѣсь храмъ (т. е. храмовой праздникъ).

[2]) Кажется, Скоропадская.

[3]) Село кролевецкаго уѣзда.

[4]) Повидимому гувернеръ Г. П. Г—на.

[5]) Село прилуцкаго уѣзда, принадлежавшее родному дядѣ Г. П. Галагана—Петру Григорьевичу Галагану. Въ семидесятыхъ годахъ Дегтяри подарены Галаганомъ полтавскому губернскому земству.

[6]) Село кобелецкаго уѣзда, принадлежавшее Галаганамъ.

[7]) Мѣстечко борзенскаго уѣзда, тоже имѣніе Галагановъ.

него 10000 р., но отбираетъ пять десятинъ лѣсу изъ 41-й, и на это маменька не согласна...

21. Гнилица [1]). Какъ я люблю Гнилицу! Я какъ то особенно къ ней привязанъ. Здѣсь все наше, ни одного человѣка не видно чужого. И какъ пріятно, когда все это насъ любитъ, къ намъ привязано, чтобы смотрѣть на эту деревню, какъ на члена нашего семейства...

23. Вчера вечеромъ мы пріѣхали въ Мостищи, къ доброй тетушкѣ Вѣрѣ Ивановнѣ. Для 70-ти лѣтъ она очень сильна, имѣетъ хорошую память и хорошо играетъ но фортопіано. Можетъ быть несчастье сдѣлало ее таковою...

28. Сегодня былъ пріятный день. У насъ (въ Секиренцахъ) обѣдали: дяденька П. Г. съ тетенькою, Миша (Михаилъ Андреевичъ Марковичъ изъ с. Васьковцовъ), Г. Н. Милорадовичъ съ женою и Магеровская съ братомъ. Послѣ обѣда я былъ очень обрадованъ пріѣздомъ Н (иколая) С (тепановича) Огроновича. Потомъ я поѣхалъ провожать тетеньку въ кабріолеткѣ и доѣхали за Калюжинцы [2]). Тамъ у Лаврентія Ник. Милорадовича пиръ горой! Мы встрѣтили ces messieurs прохаживающимися по деревнѣ: три брата Милорадов., Трофимовскій, Брижинскій, Г. С. Тарновскій и Петръ Терновскій, который мнѣ даже не поклонился...

Іюнь 4. Сегодня къ обѣду съѣхались 18 человѣкъ гостей и мы всѣ поѣхали на (Дейматовскую) ярманку [3]) (sic). Ее нечего описывать мнѣ, малороссу; во первыхъ, я ее не въ первый разъ вижу, а второе, что мнѣ трудно быть безпристрастнымъ. Все, что я скажу, это что я заставлялъ мужиковъ танцовать *козачекъ* подъ музыку трехъ скрипокъ. Ярманка этого года была блестящая, т. е. много красныхъ товаровъ, соли, дегтю, сала, сѣна, посуды, шерсти, рыбы, лошадей. Множество русскихъ купцовъ, жидовъ, десятки тысячъ малорос-

---

[1]) Тоже. Село прилуцкаго уѣзда.

[2]) Село Прилуцкаго уѣзда.

[3]) Село Дейматовка Прилуцк. у.

сіямъ, много павовъ и проч. и проч. Къ вечеру мы пошли къ толстому дубу, который стоитъ возлѣ Деймановки. Такого дуба у насъ въ саду нѣтъ [1]); онъ почти въ четыре человѣческіе обхватки. Потомъ, мы всѣ сѣли на отлогости большого холма, откуда видна вся деревня и часть ярманки. Тамъ, въ тѣни фруктовыхъ деревьевъ *комиссаръ* (?) подчивалъ насъ мороженымъ. Симъ и окончилась ярманка. Я забылъ сказать, что Ив. Мих. Скоропадскій обѣдалъ у насъ...

10. Я забылъ сказать объ одной моей ошибкѣ: вчера въ вечеру я заспорилъ съ тетенькою (женою Петра Григор. Галагана); какъ обыкновенно защищалъ малороссіянъ... Надобно мнѣ отъучаться отъ пылу, который совсѣмъ не уменьшается; съ этимъ я могу надѣлать бѣды.

13. Маменька объявила мнѣ, что она недовольна что я купался вмѣстѣ съ садовникомъ и Лесикомъ [2]). Это меня очень удивляетъ, тѣмъ болѣе, что она всегда меня учила не быть гордымъ, и я постараюсь не имѣть этого порока.

14. Я не могу терпѣть Лесика! Онъ дѣлается каждый день отвратительнѣе для меня; а послѣ того, что я о немъ слышалъ, то если я буду когда нибудь господиномъ, то онъ не будетъ знать ни Пѣсокъ, ни моего порога! Я слышалъ еще одну вещь: въ 1833 г., во время голода, въ Пѣскахъ, писарь, приказчикъ и друг. не давали крестьянамъ хлѣба; они взбунтовались и хотѣли бѣжать въ Секиренцы; ихъ не пустили.

17. Сегодня мы были очень обрадованы пріѣздомъ кузинъ и добраго Николя [3]); онъ мало перемѣнился и еще пополнѣлъ. Онъ показывалъ мнѣ свой лексиконъ и я увидалъ, что это, подлинно гигантскій трудъ. Академія совѣтуетъ ему продать

---

[1]) Посѣтивъ лѣтъ 15-ть назадъ Сокиренцы, мы удивлялись громадности множества дубовъ, находящихся въ Сокиренскомъ паркѣ. Болѣе громадные дубы видѣли мы только въ Диканькѣ, въ саду Кочубеевъ.

[2]) Управляющій одного изъ имѣній (с. Пѣсокъ) Г—нов.

[3]) Повидимому, разумѣется Николай Андреевичъ Маркевичъ, авторъ „Исторіи Малороссіи."

лишнія статьи Энциклопедическому словарю, но онъ хочетъ поднесть свой трудъ императору [1]).

Засимъ, съ 13 іюня 1836 въ „журналѣ“ перерывъ до 3 января 1838 года.

1838. Январь. 3. Опять принимаюсь я за журналъ, опять хочу повѣрять мои чувствованія, мысли, дружбу, любовь!.. Когда то я писалъ въ этой книгѣ каждый день, ложась спать. Тогда я писалъ машинально, по внушенію Федора Васильевича; мои записки были полны пустыхъ описаній. Теперь же совсѣмъ другая цѣль заставляетъ меня писать журналъ, или лучше сказать я не имѣю никакой цѣли. Прежде я думалъ передать исторію моего юношества потомству! И какая другая цѣль могла находиться въ бѣдной 16-тилѣтней головѣ? Теперь же писать въ журналѣ есть потребность. Въ душѣ моей вмѣщается слишкомъ много чувствованій тайныхъ, которыхъ я не могу никому повѣрить, а между тѣмъ не могу вмѣщать ихъ въ себѣ; изложивъ же ихъ въ этой книгѣ, нѣкоторымъ образомъ остаюся покойнѣе... Послѣдняя строка моего стараго журнала была писана 13 іюня 1836 года. Съ тѣхъ поръ сколько замѣчательныхъ событій! Скоро послѣ того, я вступилъ въ университетъ; первый курсъ былъ странный удивительный, курсъ, который далъ во многихъ отношеніяхъ уроки опытности мнѣ, неопытному 17-тилѣтнему студенту... Теперь я студентъ 2-го курса, мнѣ 18-ть лѣтъ, я юристъ по названію. Я слушаю много профессоровъ... Теперь, въ Петербургѣ, у меня и у насъ гораздо больше знакомыхъ и жизнь наша разнообразнѣе, чѣмъ прежде. Мы живемъ недалеко отъ недавно переведеннаго на Васильевскій О—въ университета; живемъ вмѣстѣ съ Федоромъ Васильевичемъ. Я имѣю много товарищей, но мало друзей или лучше сказать одинъ (sic)—Жемчужниковъ [2]).

---

[1]) Вѣроятно рѣчь идетъ „о Словарѣ Россійск. Госуд.“, начало котораго былъ издано въ 1836 г.

[2]) Свѣдѣніе болѣе подробное о немъ—впереди.

13. Чрезвычайно загадочный для меня человѣкъ есть Федоръ Васильевичъ. Его философія, его умъ, его физическія страсти даже, потому что онъ имѣетъ на головѣ горбъ больше нежели у Сократа, его необыкновенная жизнь, все это заставляетъ меня думать и быть иногда увѣрену, что онъ человѣкъ необыкновенный, рожденный, чтобы быть великимъ! Иногда же вдругъ я разочаровываюсь и онъ представляется мнѣ съ весьма пошлой стороны. Этотъ человѣкъ совершенно отжилъ физически и теперь живетъ жизнью чисто духовной. На этой жизни онъ долженъ принесть пользу человѣчеству и тѣмъ обезсмертить свое имя; онъ рожденъ, чтобы быть однимъ изъ великихъ представителей нашего вѣка и, судя по направленію его ума, подвинуть философію и религію на высшую степень... Человѣкъ, съ юности окруженный людьми самыми обыкновенными, чтобы не сказать болѣе, и создавшій всѣ эти высокія понятія, не только ставящія его на ряду еврейпейца, но еще на ряду тѣхъ людей, которые какъ путеводители, вожди, duces, ведутъ Европу изъ вѣка въ вѣкъ, такой человѣкъ невольно заставляетъ себя глубоко уважать и собою удивляетъ. Съ другой стороны, нѣкоторыя вещи очень разочаровываютъ наблюдателя. Напримѣръ, его натянутая оригинальность весьма въ *немъ* (именно) непріятна; также и мелочныя занятія переводами въ *Библіотеку для Чтенія* и многое другое, все это есть достояніе ума обыкновеннаго... Впрочемъ ему 26 лѣтъ и весьма можетъ быть, что онъ вступитъ на великое свое поприще еще позже. Для великаго человѣка нѣтъ срока для исполненія своего назначенія. Если когда либо его имя будетъ гремѣть въ потомствѣ, то это еще болѣе подтверждаетъ, что великіе (люди) рождаются вездѣ, всегда и при *всѣхъ обстоятельствахъ.*

17. Сегодня я долго думалъ, какъ справедлива французская пословица *les extremités se touchent.* Это видно во всемъ: слабая женщина и мудрый философъ оба говорятъ, что *есть Богъ*, но какая разница въ ихъ понятіи... Надѣясь, что мой журналъ запертый въ шкатулкѣ на ключь, который я всегда ношу съ собою, не будетъ никѣмъ читаемъ, я передамъ мои

понятія о религіи, основанныя самимъ мною на нѣсколькихъ данныхъ...

19. Счастливецъ Морландъ! Онъ имѣетъ, чортъ возьми, все, что ему нужно, все, что ему пріятно имѣть; есть уроки получаетъ порядочный доходецъ, нанимаетъ хорошенькую квартиру; имѣетъ двѣ славныя собаки и—что всего лучше—прехорошенькую *Misi*, конкубину. Но чѣмъ же я несчастливъ? Я имѣю предобрѣйшую мать, ангела—мать, имѣю сестру, которая, кажется, меня любитъ, имѣю мудраго наставника Федора Васильевича, который также меня любитъ; въ университетѣ я не вмѣшиваюсь въ партіи аристократовъ и демократовъ, потому, что первые *глупы*, и чтобы съ ними связаться, надобно подличать, и хотя въ несчастномъ 1-мъ курсѣ я было началъ это дѣлать и тѣмъ пріобрѣлъ отъ нихъ же репутацію человѣка *добраго*, но теперь совсѣмъ ихъ оставилъ; вторые—слишкомъ *comuns*, и я держу *le juste milieu*. Со мною *Жемчужниковъ Полевой*, *Ульянинъ*, *Тулиновъ*; (они) меня любятъ, по крайней мѣрѣ, я отвѣчаю за двухъ первыхъ (особенно за перваго). Въ наукахъ я держусь хорошо; одни только приватные учителя и еще больше лѣнь—мѣшаютъ мнѣ заняться побольше...

20. Сегодня маменька получила письмо изъ Малороссіи. Все идетъ очень дурно у насъ; тамъ, какъ говорятъ, плутъ на плутѣ [1]). О какъ я съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда я выйду изъ университета и когда маменька дастъ мнѣ власть надъ ними, эти бестіи у меня не найдутъ для себя уголка; я явлюсь для нихъ тираномъ и, напротивъ, буду заходить въ избы крестьянъ, буду ихъ распрашивать, они будутъ меня любить! О! счастливое время!...

26. Я только что изъ театра, гдѣ студенты выкинули славную штуку; насъ было человѣкъ 60. *Der reisende Student* меня очень увлекъ: какъ бы я желалъ быть нѣмецкимъ студентомъ свободнымъ! И при томъ ученъ (?) не школьникомъ, какъ у насъ теперь. Мнѣ кажется, что я бы тогда былъ чортъ знаетъ, какъ счастливъ!

---

[1]) Разумѣется деревенская администрація.

Gaudeamus igitur! Bibimus collegiales! Мы въ театрѣ много шумѣли и я бы въ душѣ желалъ, чтобы вышла какая нибудь исторія!

Февраль 16. Что если я умру? Это ужасно! Однако все можетъ случиться. Я боленъ, петербургскій климатъ для меня ядъ... Мнѣ пришла прекрасная мысль въ голову: дай-ка я напишу завѣщаніе! Прекрасно, прекрасно!

Завѣщаніе. 1838 года, февраля 16 дня. Я, Григорій Галаганъ, въ случаѣ моей смерти или убійства, завѣщаю, чтобы тѣ, которые останутся послѣ меня, исполнили во имя Бога и всего для нихъ священнаго, слѣдующія статьи. 1-е. Въ Секиренцахъ, въ саду, есть долина, въ которой стоитъ дубъ съ образомъ. Идя отъ пруда въ глубину долины, вы увидите, пройдя колодезь, на лѣвой сторонѣ, довольно высокую, въ долину наклонившуюся березу; подъ этою березою я завѣщаю, чтобы меня похоронили!... Надъ мною поставить каменный крестъ, чтобы показать, что я былъ одинъ изъ послѣдователей великаго Іисуса Христа, и положить простой камень, безъ всякой надписи и фигуръ. 2-е. Сестрѣ и всѣмъ родственникамъ завѣщаю утѣшать добрую мать, которую я любилъ и уважалъ до послѣдней минуты... Сестрѣ моей (sic) Маріи благодарю за ея привязанность... Федора Васильевича Чижова благодарю за искреннюю его дружбу и за его мудрые совѣты, которые много послужили мнѣ къ добру. Надеждѣ Дмитріевнѣ Борковской желаю, чтобы нашелся человѣкъ который такъ бы ее любилъ, какъ я. Всѣхъ людей мнѣ въ мою жизнь служившихъ благодарю отъ всего сердца за ихъ привязанность и усердіе. 3-е. Все что мнѣ принадлежало я раздаю слѣд. образомъ: всѣ золотыя и бриліантовыя вещи и зеленую готовальню (старинную) съ зелеными фигурами я завѣщаю сестрѣ. 4-е. Маленькіе золотые часы и всю мою библіотеку завѣщаю Федору Васильевичу Чижову, въ знакъ истинной дружбы. 5-е. Серебрянные подсвѣчники съ серебряными щипцами завѣщаю милому товарищу Николаю Аполлоновичу Жемчужникову на память отъ человѣка истинно его любившаго. 6-е. Жеребца моего, находя-

щагося въ нашемъ конномъ заводѣ я завѣщаю продать и за деньги полученные отъ продажи, выстроить избы самимъ бѣднымъ нашимъ крестьянамъ секиренскимъ, гнилицкимъ, пѣсковскимъ, иченскимъ, прилуцкимъ и козелецкимъ. 7-е. Деньги, которыя найдете въ моей шкатулкѣ я завѣщаю отдать: 1/4 Евдокиму, а всѣ прочія раздать всѣмъ людямъ (лакеямъ, поварамъ, кучерамъ и дѣвкамъ) въ знакъ благодарности за ихъ ко мнѣ услуги.

19. Я сегодня нечаянно подслушалъ разговоръ людей, т. е. лакеевъ, между собою; они говорили о насъ, но я ничего не могъ разслышать совершеннаго. Съ этой минуты у меня возрасла ужасная жажда узнать, какого они всѣ обо мнѣ мнѣнія. Что если они меня не любятъ?—Это ужасно!—Зачѣмъ я, презрѣнное существо, родился, чтобы сдѣлать столько несчастныхъ. Неужели четырехъ, а можетъ быть и семь тысячъ народа [1]) будутъ меня не любить. О жестокая судьба! Зачѣмъ вложила ты меня въ нѣдра жены богатаго помѣщика? Зачѣмъ я осужденъ быть невиннымъ виновникомъ несчастія столькихъ людей? О лучше я желалъ бы быть бѣднымъ, нищимъ, разбойникомъ, чѣмъ тѣмъ что я буду!—И послѣ этого могу ли я гордиться, что имѣю нѣсколько тысячъ рабовъ! мнѣ кажется, что я бы теперь возгордился, надѣвши лохмотья. Какъ я несчастливъ ужасно! Если я когда нибудь буду господиномъ всѣхъ этихъ рабовъ и если узнаю, что они меня не любятъ, то скорѣе я ихъ всѣхъ продамъ! Но нѣтъ—тогда я и мое семейство умретъ съ голода, потому что я самъ ничего не знаю и не буду знать, чтобы поддержать самого себя своими трудами!—Мнѣ суждено быть скотомъ, повелѣвать скотами.

Апрѣль. 5. Недавно была первая лекція Шакѣева и всѣ шумѣли; а потомъ кричали vivat Куторгѣ [1]). И я въ этомъ

---

[1]) Можно догадываться, что три тысячи „народа“ Г—нъ прибавляетъ, расчитывая на наслѣдство бездѣтнаго дяди Петра Г-ча Галагана, которое впослѣдствіи и досталось ему.

[2]) Шакѣевъ и Куторра (М. С.) —профессора всеобщей исторіи.

участвовалъ. Эта исторія много заставляетъ говорить о студентахъ. Потомъ, въ пятницу шестой недѣли (поста), былъ у насъ очень торжественный актъ, и я, хотя по гадкому притворству показывалъ противное, но въ душѣ очень былъ доволенъ, что меня выбралъ князь [2]) дежурнымъ при дамахъ, потому что этимъ показали, что (я) считаюсь однимъ изъ самыхъ comme il faut.

Іюль, 6. Ужасно усталъ! Похудѣлъ, поблѣднѣлъ. Наконецъ завтра кончается экзаменъ; наконецъ завтра мы ѣдемъ въ Малороссію. О счастье! о радость! Этого года (sic) я хорошо выдержалъ экзаменъ и почти во всемъ обязанъ себѣ самому.

Послѣ этого пропускъ до 8-го ноября.

Ноябрь. 8. Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ я въ Петербургѣ и уже пять недѣль какъ сижу дома. Да! мнѣ суждено проволочиться въ этой жизни больнымъ, лишеннымъ всѣхъ удовольствій, къ которымъ моя душа такъ стремилась. Секиренцы, милыя Секиренцы, я вами не буду вполнѣ наслаждаться. Другіе веселы, ѣздятъ, пляшутъ, веселятся, а я... что мнѣ предстоитъ?— мнѣ 19-ть лѣтъ, а я уже старикъ? Лучше не жить, чѣмъ такъ существовать! Послѣднія строки моего журнала были писаны 6 іюня, 7-го мы были уже въ дорогѣ. Я бралъ съ собою журналъ, но ничего не писалъ въ немъ. Опишу ли то время, которое провелъ въ Секиренцахъ?—нѣтъ, это невозможно! Если бы мнѣ предложили выбрать для себя высшее блаженство, я бы сказалъ „возвратите мнѣ то время которое я провелъ тамъ“!

13. Что такое всѣ мои понятія, вся моя любовь къ человѣчеству, когда Федоръ Васильевичъ однимъ словомъ разрушаетъ все это. Я очень претендую на человѣчество (sic) и даже совершенно увѣренъ, что не пойду противъ него; между тѣмъ Федоръ Васильевичъ поймалъ меня и я самъ вижу ужасную ничтожность моихъ умствованій и претензій. Мы говорили о лакеяхъ. Я на нихъ ужасно сердитъ за ихъ неопрятность и говорили, что пер-

---

[2]) Должно быть Дондуковъ-Корсаковъ, тогдашній попечитель.

вую вещь, которую я буду требовать отъ нихъ, есть опрятность.— „А будете ли вы сами подавать въ этомъ примѣръ?“ спросилъ Ф. Вас.—Это нужды нѣтъ! отвѣчалъ я, все таки буду отъ нихъ этого требовать! И я это сказалъ не отъ вѣтренности, нѣтъ! между тѣмъ, какъ это очень противъ всякаго человѣчества. Какое я имѣю право требовать отъ нихъ то, что самъ не дѣлаю, и еще—требовать отъ рабовъ? Итакъ, слѣдовательно, нельзя ничего требовать отъ нихъ, потому что границъ въ требованіяхъ положить нельзя. Одно то, что они мнѣ принадлежатъ, кричитъ противъ всякаго права человѣчества. Но что же дѣлать, судьба вручила мнѣ участь нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ: перемѣнить этого нельзя, но должно стараться, чтобы они поменьше чувствовали ужасную свою участь, а это очень трудно. Вопросъ, какъ должно съ ними поступать? Маменька нѣсколько разъ намекала, что боится, чтобы я не былъ слишкомъ строгъ... Меня все-таки ужасно огорчаетъ, что я не имѣю права претендовать на внутренюю образованность; ко мнѣ образованность также привита, какъ и ко всѣмъ русскимъ, а внутри я все-таки напитанъ отвратительнымъ азіатизмомъ.

21. Мнѣ кажется, что моя болѣзнь совсѣмъ не уменьшается; я довольно сильно кашляю. Боже! какъ протекаетъ моя молодость!

Какъ мнѣ нравится это:

— Ой волы, волы да половіе,
Чомъ же вы не орете?
Ой лита мои да молодіи
Чомъ же вы марно идете!
— Коли бъ намъ погоничи,
Може бъ мы и орали!
Ой колибъ намъ весело було,
Можебъ мы й погуляли!..

27. Сегодня былъ у насъ опять *совѣтъ* (consilium) между Чаруковскимъ и Бушемъ, и они оба въ одинъ голосъ, также какъ и Раухъ, присудили мнѣ ѣхать за границу, *въ Италію*. Легко сказать! но куды тогда дѣнутся всѣ мои занятія? Тогда

пропалъ мой карьеръ, т. е. по крайней мѣрѣ мнѣ надобно попрощаться съ 10-мъ, 12-мъ и даже 14-мъ классомъ, хотя я вовсе не дорожу службою... Не смотря на то, я не могу жить въ холодномъ Петербургѣ; я здѣсь изчахну, потому что душѣ нѣтъ пищи! Тамъ, въ Италіи, на югѣ, найду я ту жизнь, которой жаждетъ моя душа! Въ той прекрасной природѣ оживу я! Тамъ я забуду... Я также не могу служить! Къ чему мнѣ служба? если не вовсе, то по крайней мѣрѣ долгая? къ чему, когда я довольно богатъ, чтобы жить спокойно даже и съ самымъ ничтожнымъ чиномъ. Но нѣтъ, не богатство меня удерживаетъ отъ службы,—меня удерживаютъ Секиренцы... Для васъ (sic) хочу я посвятить всю жизнь мою; вы главный предметъ моей жизни. Любезный папенька! твоя прекрасная благородная душа создала Секиренцы! ты поэтъ! да ты поэтъ... Въ твоемъ изящномъ твореніи виденъ твой образованный умъ. Я докончу твою работу, я довершу ее..

Декабрь, 9. Вотъ урокъ въ жизни! Я весь еще трепещу... Сейчасъ я получилъ письмо отъ дяденьки, который пишетъ о статьѣ Ф. Вас. о *Роменской ярмаркѣ*. Въ этой статьѣ онъ касается личности Ивана Михайловича Скоропадскаго. Когда Ф. В. мнѣ читалъ эту статью, то мнѣ хотѣлось остановить его, но нѣтъ—онъ напечаталъ! Тамъ ее прочли и теперь, по словамъ дяденьки, послана въ Сѣверную Пчелу статья противъ него. Но это бы было ничего! Онъ стоитъ очень дерзкаго отвѣта, но дяденька пишетъ, что въ этой статьѣ касаются и до другихъ лицъ. Это меня крайне безпокоитъ. Боже! что если въ ней касаются хоть однимъ словомъ до нашего семейства? Положимъ, что Ф. В. имѣя вѣсъ въ теперешней русской литературѣ, предотвратитъ эту статью чрезъ сношеніе съ цензурою. Но одно то, что она была написана, прочитана *тамъ всѣми*— приводитъ меня въ отчаяніе. Теперь Ф. В. поѣхалъ поправлять свою ошибку. Но нѣтъ онъ ее не можетъ поправить! Достигнувши до извѣстной степени вліянія на мерзѣйшую литературу въ мірѣ, онъ уже возмечталъ Богъ знаетъ что.

16. Слава Богу! Теперь я спокоенъ. Сейчасъ Ф. В. получилъ письмо отъ Краевскаго, который присылаетъ ему статью противъ него написанную и въ ней нѣтъ ничего дурного. Ее писалъ какой то *Чужбинскій*. Статья написана очень дѣльно, какъ мнѣ кажется. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ писалъ о такихъ вещахъ, которыхъ онъ не зналъ.

1839. Генварь 7. Я ожидалъ съ большимъ, нетерпѣніемъ той минуты, когда я увижу имя Секиренецъ напечатаннымъ въ *Библіот. для Чтенія*. И что же? Я это увидѣлъ. Фед. Вас. въ своей статьѣ *малороссійская лѣнь*—съ восторгомъ говоритъ о нихъ. Десятки тысячъ людей прочтутъ это имя, столь для меня любезное!

21. Моимъ сердцемъ въ первый разъ овладѣло новое чувство,—это чувство *мщенія*.. Мы обижены! Вотъ въ чемъ вся исторія. Я уже говорилъ (9 декабря) объ отвѣтѣ изъ Малороссіи на статью Фед. Вас. Я былъ въ отчаяніи. Но теперь я узналъ, что это не есть настоящій отвѣтъ. Этотъ же присланъ сюда семь дней тому назадъ для помѣщенія въ *Сѣверную Пчелу*. Въ немъ говорится съ ужасными насмѣшками о Фед. Вас. Мишу [1]) называютъ *животнымъ*; нашъ домъ—*неостепріимнымъ*, *куда не заходитъ запоздалый путникъ*. Это еще бы была не бѣда! Чортъ съ ними! Но Раковичъ, который теперь пріѣхалъ изъ Малороссіи, разсказывалъ у Казадаева, что въ этой статьѣ было помѣщено много насмѣшекъ на маменьку, которая такъ невинна въ этой мерзкой исторіи. Когда я вздумаю, что эта статья была читана у Григорія Степановича [2]), при всѣхъ, что Григ. Степ. упрашивалъ вычеркнуть то, что было написано о маменькѣ, то я готовъ выйти изъ себя. Какой позоръ! Казадаевъ ужасно сердится на Фед. Вас., говоритъ, что пожалуется министру за то, что онъ въ

---

[1]) М. А. Маркевичъ, изъ Васьковцевъ.

[2]) Григорій Степановичъ Тарновскій, богатый черниговскій помѣщикъ, сосѣдъ Галагановъ по Качановкѣ, въ которой онъ жилъ.

Библ. для Чт. писалъ о тётенькѣ Софьѣ Александревнѣ [1]); статью, въ которой замѣшана бѣдная маменька, писалъ какой-то мерзавецъ Карпинскій, имя котораго я въ первый разъ слышу. Его вѣрно научилъ Иванъ Мих. Скоропадскій.

Февраль. 15. Я сейчасъ былъ на похоронахъ *Сперанскаго*; тамъ я видѣлъ множество каретъ, въ которыхъ пріѣхали по должности, по народу вовсе нѣтъ. Умри такой государственный человѣкъ и при томъ собиратель законовъ, въ Англіи или Франціи и—десятки тысячъ простаго народа сопровождали бы его гробъ съ чувствомъ благодарности. А у насъ? Никто объ этомъ и не знаетъ. Бѣдный народъ... онъ вовсе не знаетъ о существованіи законовъ, они ему вовсе не нужны...

Засимъ слѣдуетъ конецъ тетради: Прощай журналъ, прощай! Я много надъ тобою радовался, печалился, сердился, пролилъ много слезъ отъ полноты чувства. Прощай, мой другъ, мой товарищъ. Тебя заступитъ теперь красиво переплетенная книжка съ латинскою надписью: *Forsan et haec olim meminisse juvabit.* Но все таки я сомнѣваюсь, чтобы какую нибидь другую книгу мнѣ бы было такъ пріятно вспомнить, какъ тебя, содержащаго въ себѣ лучшее время моей жизни. Прощай еще разъ! Я тебя распечатаю, чтобы посмѣяться, а можетъ быть и поплакать! Итакъ, до свиданія, мой другъ!

С.-Петербургъ. По Васильевск. Острову, въ первой линіи, домъ Лодера. 1839. Февраля 23.

Засимъ слѣдуютъ выписки изъ журнала, книги второй, начинающейся съ 25-го февраля 1839 года.

Мартъ. 9. Наконецъ послѣ четырехъ скучныхъ мѣсяцевъ я былъ вчера въ университетѣ. Не могу выразить, какъ билось мое сердце при входѣ въ нашъ родной университетъ. Меня встрѣчали многіе съ восторгомъ, съ поздравленіями съ выздо-

[1]) Софья Александровна—жена Петра Григ. Галагана и сестра Вл. Ал. Кавадаева.

ровлевіемъ; другіе косились на меня, попрежнему, съ злобной нас мѣшкой; но при всемъ томъ я былъ въ восторгѣ... Уроки которые я взялъ въ университетѣ, мнѣ достались очень дорого! Я вошелъ въ университетъ неопытнымъ, мальчикомъ' совсѣмъ незнавшимъ свѣта и особенно молодыхъ людей. Я до сихъ поръ краснѣю, когда вспомню, какъ я звалъ новыхъ товарищей посмотрѣть на мою колясочку, которую мнѣ подарила маменька! Я думалъ тогда, что они будутъ ею восхищаться самымъ невиннымъ образомъ, а напротивъ они надо мной смѣялись и называли меня глупымъ мальчикомъ. У меня сердце раздиралось при мысли, какъ я себѣ напортилъ въ мнѣніи товарищей, желая войти въ общество аристократовъ и удалиться отъ такъ называемыхъ демократовъ... Но я себя утѣшаю тѣмъ, что рано или поздно я долженъ былъ взять нѣсколько уроковъ въ жизни и что они обыкновенно стоятъ очень дорого особенно для человѣка, получившаго такое воспитаніе, какъ я...

10. Фед. Вас. сообщилъ мнѣ прекрасную мысль, которая мнѣ очень нравится: что вѣротерпимость въ народѣ не есть столько признакъ его образованности, какъ недостатка въ немъ энтузіазма. Сколько я могъ замѣтить изъ исторіи англійской конституціи, которую намъ читаетъ теперь Ивановскій, въ англичанахъ не было вѣротерпимости и потому все у нихъ вышло изъ собственныхъ элементовъ. Это есть народъ самаго высокаго образованія...

18. Вчера ввечеру я былъ у Ульянина на холостомъ вечерѣ, (онъ былъ именинникъ). Я засталъ совсѣмъ не то общество, которое думалъ застать. Вмѣсто того, чтобы быть въ кругу Тулинова, Полеваго, Жемчужникова, Аксакова и другихъ моихъ скромныхъ, хотя очень шумныхъ и веселыхъ товарищей, я очутился въ обществѣ нашихъ развратныхъ аристократовъ—товарищей. Былъ кн. Д., кн. В., Л—новъ и пр., и проч. Они играли въ карты, и такъ какъ кн. В. заболѣлъ и уѣхалъ, то они пригласили меня сыграть съ ними три робера въ винтъ. Я имѣлъ глупость, вовсе не зная игры, согласиться на ихъ предложеніе. Черезъ полъ часа я проигралъ 23 рубля. Я игралъ

болѣе для того, чтобѣ узнать, что буду чувствовать, когда проиграю?—Ничего особеннаго; жалко потерянныхъ денегъ; я бы ихъ могъ лучше употребить, и при томъ я чувствую, что я гадко провелъ время. Теперь остается мнѣ занять денегъ (у меня давно нѣтъ ни копѣйки) такъ, чтобы никто этого не зналъ.

20. Сегодня утромъ было у меня долгое преніе съ моимъ учителемъ философіи студентомъ Веревкинымъ объ одномъ мѣстѣ нравственной философіи, которую намъ читалъ Фишеръ. Ничто такъ не развиваетъ понятій, не даетъ новыхъ мыслей, какъ философскіе споры...

Май. 31. Яковъ Петровичъ Скоронадскій [1]) пріѣхалъ изъ Малороссіи и принесъ вѣсть, что дяденька (П. Гр. Г—нъ) къ Петрову дню поѣдетъ къ Петру Александровичу Казадаеву. Стало быть праздника въ Дегтярахъ не будетъ! Жаль! Я на этотъ праздникъ много надѣялся въ разныхъ отношеніяхъ.

Іюнь. 13. Мы теперь въ Москвѣ, проѣздомъ на Воронежъ, окруженный jіс моими родными добрыми, веселыми, радушными Гудовичами... Съ нашими Гудовичами можно провести время какъ въ раю: какія ласки, какъ много пищи для чувствъ, но не знаю, если прожить съ ними долго, много бы можно найти пищи для ума? Сомнѣваюсь въ томъ...

16. Теперь мы въ Поливановѣ, у Маковой (?), любезной и умной тетеньки Катер. Никол. (Андрей Ивановичъ въ Москвѣ). Ахъ, какъ здѣсь хорошо, какъ все поставлено на барскую ногу! Все дышетъ аристократіей. Мнѣ отвели прекрасную, надушенную комнату, которую обыкновенно даютъ Трубецкому. Какой comfort во всемъ, начиная отъ прекраснаго стола до постели...

26. Полошки. Вчера мы сюда пріѣхали. Прелестная, милая Малороссія, я опять на твоей землѣ и съ новою радостью, и съ новою къ тебѣ любовью!...

28. Я въ Секиренцахъ! Какъ долго я ожидалъ этой минуты, когда пріѣду въ прекрасныя Сокиренцы! О! зачѣмъ эта минута не такъ для меня пріятна, какъ я этого ожидалъ!... Поводомъ къ этому служили, кромѣ какого-то расположенія къ

[1]) Помѣщикъ конотопскаго уѣзда, изъ с. Гайворона.

грусти, дурная погода и сильный холодный дождь... А еще болѣе другое обстоятельство: мы пріѣхали неожиданно, а потому никѣмъ не были встрѣчены... Столь пріятная живая и даже чувствительная минута встрѣчи всѣхъ дворовыхъ людей у воротъ, за воротами, у крыльца,—эта прекрасная минута утеряна...

Іюль. 7. Гнилица. Стыжусь написать въ журналѣ, что чувствую, потому что нахожу эти чувства не совсѣмъ похвальными и плодами пустаго и сильнаго тщеславія. Мнѣ страхъ какъ пріятно дѣлать видъ господина и господина-деспота, важничать передъ мужиками, которые ходятъ вслѣдъ, чтобы на меня насмотрѣться или чтобы подать жалобы, искать милости. Мое сердце бьется пріятно, когда толпа мужиковъ мнѣ низко кланяется и я гордо мимо ихъ прохожу и благосклонно отдаю имъ ихъ поклоны легкимъ киваніемъ головы. Какое тщеславіе! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это льститъ безхарактерной душѣ! Впрочемъ, отбрасывая это въ сторону, я думаю, что мнѣ нужно принять какой нибудь видъ передъ нашими рабами, надобно ихъ пріучить къ той мысли, что имъ недолго остается ужъ плутовать и разворять наше бѣдное имѣніе...

8. Какъ я люблю милую Покорщину [1]); въ той какъ то особенно радуется душа... Эта пышная природа, которая окружаетъ домъ, густые, тѣнистые каштаны, высокія, величественныя тополи, одинокія пирамиды, плакучія березы и красный шиповникъ, все это видно изъ открытаго окна, передъ которымъ я теперь сижу, и свѣжій, ароматный воздухъ наполняющій садъ, послѣ минувшей грозы, и портретъ прелестной блондинки (княгини Хованской, сестры Катерины Ефимовны, моей прабабушки) въ граціозномъ старинномъ костюмѣ, съ розой на груди, все это производитъ (дѣлаетъ) на меня необыкновенное впечатлѣніе...

18. Поѣхалъ съ Ушаковыми въ Ромны, на ярмарку, гдѣ не случилось со мной ничего замѣчательнаго; я тамъ пробылъ

---

[1]) Имѣніе Галагановъ подъ г. Ковельцемъ; теперь принадлежитъ *Коллегіи Павла Галагана.*

19-е число, а въ самый Ильинъ день воротился домой, гдѣ засталъ все семейство Борковскихъ. Черезъ два дни всѣ дамы этого семейства уѣхали въ Ромны на три дня, а сыновья оставались у насъ... Пріѣхалъ изъ Одессы дяденька Петръ Григорьевичъ, больной, и я тотчасъ поскакалъ въ Дегтяри „pour faire la cour au chèr oncle“.

Августъ. 26. Вчерашній день начался ужасными, тяжкими для меня прощаніями. Мы выѣхали (изъ Секиренецъ) въ 11 ч. утра. Насъ провожали всѣ родственники, проживавшіе у насъ послѣдніе четыре дня безвыѣздно, т. е. всѣ Маркевичи, Милорадовичи (часть ихъ), дяденька Петръ Григорьевичъ и проч., и проч. Кромѣ того (что меня очень тронуло) насъ провожали со слезами вся многочисленная дворня. Наконецъ мы тронулись за роковыя ворота...

Сентябрь. 16. Сегодня я былъ въ первый разъ въ университетѣ по моему пріѣзду (sic). О Боже! я туда шелъ, я туда бѣжалъ съ какою то радостью, которую я самъ не понималъ; душа радовалась чему то, какъ радуется, когда я пріѣзжаю къ родственникамъ, которыхъ я не видѣлъ. Я увидѣлъ почти всѣхъ товарищей; каждый изъ нихъ подалъ мнѣ руку съ улыбкой, холодной, ледяной улыбкой, какъ будто мы вчера только разстались... Я сидѣлъ на лекціи Кранихфельда, нарочно отдѣльно отъ другихъ, и все время думалъ: вотъ толпа студентовъ, нѣтъ—школьниковъ, въ которой я пробылъ всѣ лучшіе годы моей молодости и еще долженъ провесть годъ.... Эти школьники (въ полномъ смыслѣ) и изъ нихъ „первый есмь азъ“, находятся въ университетѣ для выгодъ службы и больше не для чего.

1840. Февраль. 12. Сегодня, послѣ обѣда, мы начали разсуждать—маменька, дяденька и я—о русскихъ и малороссійскихъ мужикахъ. Они оба обвиняли, какъ обыкновенно, малороссіянъ за ихъ нелюбовь къ помѣщикамъ и хвалили русскихъ за то, что они любятъ своихъ помѣщиковъ, какъ дѣти отца. А вѣдь это говорилъ дяденька, который многимъ доказалъ, что онъ очень и очень умень. Что же дѣлать?—не передѣлаемъ

русскаго сердца! Я началъ съ жаромъ говорить, какъ думаю объ этомъ предметѣ. Я говорилъ, что еслибъ я былъ помѣщикомъ и въ Россіи, и въ Малороссіи, я бы больше любилъ тѣхъ моихъ мужиковъ, которые меня бы не любили, т. е. малороссіянъ, при равныхъ условіяхъ съ русскими; я говорилъ, что это показываетъ въ нихъ чувство собственнаго достоинства.—„Но малороссъ снимаетъ передъ тобой шапку изъ одного страха“, возразили дяденька и маменька.—Да! сказалъ я, и такъ бы и я поступилъ, еслибы имѣлъ несчастіе быть крѣпостнымъ. Я бы ненавидѣлъ моего помѣщика отъ того только, что онъ мой неограниченный господинъ, что я принадлежу ему и—тутъ пошелъ катать... Мои противники были побѣждены, хотя разумѣется въ томъ не сознались...

24. Сейчасъ пришли мнѣ сказать, что нашъ славный кучеръ Александръ умеръ. Умеръ! ахъ! я не могу объ этомъ вспомнить, не заливаясь слезами. Но что сдѣлаютъ слезы? Какъ страненъ человѣкъ... Мнѣ теперь такъ жалко, что я съ нимъ грубо обходился въ послѣднее время. Я его подозрѣвалъ въ плутовствѣ. Можетъ быть онъ не виненъ. Я все вижу передъ глазами, какъ я его ударилъ по щекѣ въ Секиренцахъ за то, что онъ былъ пьянъ. Ахъ, это раздираетъ мое сердце. О какъ я не достоинъ былъ быть его господиномъ. Онъ былъ очень уменъ, слишкомъ уменъ, чтобы быть счастливымъ въ его ужасномъ положеніи. Ахъ, какъ онъ понималъ всѣ мои глупости. Онъ жалѣлъ, что имѣлъ такого господина. О Александръ! если ты существуешь внѣ земли, то сжалься надо мною, прости меня, умоляю тебя! Ты всегда видѣлъ, какъ я глупъ, ты меня презиралъ, а между тѣмъ долженъ былъ лишь повиноваться, несчастный! а ты достоинъ былъ быть моимъ господиномъ, а не моимъ рабомъ. Бѣдный Александръ! Онъ хотѣлъ пріѣхавши въ Секиренцы жениться и завестись хозяйствомъ...

Іюнь. 17. Я уже вышелъ изъ университета, съ 8-го числа я уже не студентъ. Я объ этомъ не писалъ до сихъ пору, что этотъ выходъ мой вовсе не произвелъ на меня сильнаго впечатлѣнія. Какая разница съ входомъ въ университетъ!

Августъ. 3. Станція Есмерлейское, херсонской губерніи. Какъ мнѣ жаль теперь, что я не описывалъ нашего путешествія [1]) по мѣрѣ того, какъ ѣхалъ; сколько пріятныхъ впечатлѣній я находилъ на моей дорогѣ (sic) и они всѣ потеряны, благодаря моей лѣни. Я проѣхалъ всю нашу прекрасную Украину, увидѣлъ центръ ея національности (?)—Лубны, Хоролъ и замѣтилъ, что здѣсь гораздо больше . . . . . (?) козачества, нежели въ Прилукѣ. Въ центрѣ полтавской губерніи еще существуетъ національный духъ... Оставя Кременчугъ, мы переѣхали черезъ Днѣпръ; я въ первый разъ выѣхалъ изъ Малороссіи на югъ отъ нея. Она мнѣ показалась тогда, какъ островъ, окруженный моремъ—Россіей. Переѣхавши Днѣпръ, и до сихъ поръ мы ѣдемъ по безлюдной степи; изрѣдка она вся въ горахъ, изрѣдка—гладка, какъ столъ.

28. Вчера мы возвратились изъ нашего путешествія въ Мостище. Мы выѣхали изъ Секиренецъ 21-го числа и обѣдали въ Прилукѣ, гдѣ было много жалобъ [2]), которыя маменькя всѣ очень хорошо рѣшала. 22-е число мы весь день провели въ Гнилицѣ. Хозяйство идетъ худо, хотя и лучше прежняго. Что хуже всего это—что крестьяне бѣдны. Мы ѣздили по деревнѣ и осматривали избы: онѣ всѣ очень плохи. Много значитъ, что негдѣ взять матеріалу для строенія. Мнѣ, т. е. моему самолюбію было вездѣ пріятно, что на меня смотрятъ какъ на *пана!* Я желаю очень, чтобы меня такъ боялись, какъ боялись папеньку. Мы въ Гнилицѣ много говорили съ маменькою о нашемъ сосѣдствѣ: какъ хороши Секиренцы и какъ гадки сосѣди, исключая Миши (Маркевича). Всѣ люди фальшивые, гадкіе, готовые на все дурное. Изъ нихъ первый есть мой дядя. Да! Я бы не могъ сказать, какъ Евгеній Онѣгинъ: „мой дядя самыхъ честныхъ правилъ“.... Гдѣ у этого человѣка честь? Гдѣ у него совѣсть? Впрочемъ, чортъ съ нимъ! Я ужасно настаивалъ у маменьки,

---

[1]) Вернувшись изъ Спб. въ Секиренцы, лѣтомъ 1840 г. Галаганъ отсюда поѣхалъ съ будущимъ своимъ зятемъ гр. Комаровскимъ въ Одессу, на пути куда и сдѣлана приведенная запись.

[2]) Въ г. Прилукѣ у Галагановъ также были крестьяне.

чтобы она взяла имѣніе отъ бабушки Вѣры Ивановны. Пока она умретъ, имѣніе совсемъ будетъ разорено плутомъ Давидомъ.

Сентябрь. 4. Ахъ какое непріятное чувство мною владѣло все сегодняшнее утро! Я достигъ того, что иногда очень желалъ и увидѣлъ всю гадость этого: я наказалъ человѣка. Вчера вечеромъ Михайло кондитеръ дѣлалъ ужинъ въ дѣвичьей, въ лѣсу (sic), и завелъ пьянство и кричалъ самъ во все горло. Такъ какъ этотъ порокъ за нимъ уже былъ замѣченъ, то я просилъ маменьку, чтобы она мнѣ поручила это дѣло; она согласилась. Сердце мое билось отъ нетерпѣнія наказать его и устрашить всю дворню. Я велѣлъ все приготовить и пошелъ въ ту комнату, гдѣ людямъ варятъ ѣсть. Тамъ были уже три кучера: Василій, Степанъ и Прокопъ. Я велѣлъ позвать Петра и Михайлу. Петру велѣлъ дать съ десятокъ пощочинъ и выгналъ вонъ. Потомъ, не смотря на всѣ просьбы и слезы Михайла кондитера, я разругавши его, велѣлъ положить и сѣчь. Онъ началъ кричать и послѣ 15-ти или 16-чи ударовъ, мнѣ стало такъ больно, что я сказалъ—довольно, а самъ ушелъ. Мною овладѣло самое непріятное чувство отвращенія отъ самого себя и отъ другихъ. Мнѣ казалось, что я могъ поступить иначе, но не смотря на то я не могъ не замѣтить, что на меня начали всѣ смотрѣть, какъ на страшнаго человѣка. Какое и тутъ тщеславіе! J'ai agi en maitre!

8. Сегодня мы возвратились изъ Дорогинки, гдѣ былъ балъ. Мы пріѣхали туда 5-го числа въ 10 часовъ вечера; ѣхали по ужасной и даже опасной дорогѣ; вдругъ въѣзжаемъ въ дворъ, видимъ ярко освѣщенный внутри и иллюминованный снаружи домъ и слышимъ музыку, играющую Aurora-walzer! Вотъ я никакъ не думалъ, чтобъ эта Казадаева могла такъ хорошо принять своихъ гостей. Мы были очень хорошо приняты во всѣхъ отношеніяхъ. Танцующихъ было 16 паръ или около того. Дѣвушки всѣ никуда не годились. Самая comme il faut, т. е. получившая лучшее воспитаніе или скорѣе сказать, больше знающая, была С—ая. Блѣдная, какъ стеариновая свѣча и

смотрящая мнѣ въ глаза съ самымъ большимъ безстыдствомъ; вѣроятно хочетъ, меня имѣть въ этомъ семействѣ; но это мало занимаетъ мое самолюбіе. Другая дѣвушка—Тр—на, не дурна собой, при томъ была со вкусомъ одѣта; но она должно быть также холодна, какъ ихъ мать. К—вы были всѣ три: невѣсту очень хвалятъ, но мнѣ она нисколько не нравится. Были еще дѣвушки, но объ нихъ нечего и говорить.—Дамы были двѣ хорошенькія. Триф—ая первая была очень хороша, но во первыхъ, холодна, а вовторыхъ, имѣетъ въ манерахъ и особливо въ языкѣ что то, что отвращаетъ отъ себя при первомъ словѣ. Другая дама *Мингицкая*, урожденная *Клица*, гречанка [1]), въ полномъ смыслѣ, съ правильнымъ греческимъ лицемъ...

16. Сегодня мы отправимся въ Дегтяри. Завтра тамъ большой праздникъ, на которомъ мнѣ надобно будетъ отличаться... Что за странный человѣкъ Петръ Григорьевичъ; съ одной стороны довольно хорошій, съ другой очень дуренъ, гадокъ даже!..

21. Только теперь возватились изъ Дегтярей, гдѣ я провелъ очень пріятно время... Хочу описать всѣ пять дней, которые тамъ провели. Мы пріѣхали 16-го числа вечеромъ. Въ тотъ день у насъ обѣдали Тарновскіе, Ант. Степ. Милорадовичъ и Миша съ Катенькою. Мы застали уже полный домъ гостей. Началась музыка съ претрудной увертюры; потомъ игралъ Галенковскій своего сочиненія на *Петруся*; потомъ опять увертюра; потомъ игралъ Артемъ, а тамъ фортепіанистъ Бертольдъ. На другой день, утромъ, начались поздравленія; за ними всѣ мужчины сѣли за карты. И я одинъ, да изрѣдка Мишель, были въ гостинной съ дамами. Здѣсь общество мужчинъ совершенно отдѣльно отъ женскаго, впрочемъ о чемъ будутъ они говорить съ дамами? они не выходятъ изъ сферы картъ, хозяйства и злорѣчія... Въ четыре часа всѣ пошли за столъ. Обѣдающихъ было 122 человѣка. За обѣдомъ, при поздравленіи, играли торжественный тушъ. Послѣ обѣда всѣ отправились по своимъ

[1]) Нѣжинская.

квартирамъ; я пошелъ на квартиру Миши, который былъ помѣщенъ съ Закревскимъ и Штекеромъ. Я принесъ собою *Кобзаря* Шевченка. Пришли къ намъ Лаврент. Никол. (Раковичъ?) и Николай Иванов. и мы начали читать. Когда Закревскій услыхалъ, какъ я читаю по малороссійски, то началъ отъ радости меня обнимать. Онъ разсказалъ пресмѣшные анекдоты про малороссіянъ. Послѣ чтенія мы всѣ пошли на верхъ, гдѣ уже застали всѣхъ дамъ собранныхъ. Для начатія бала ожидали сестру. Она явилась наряженная съ большимъ вкусомъ; она была хороша и всѣ на нее смотрѣли. Начали съ торжественною польскою (sic), потомъ пошли кадриль за кадрилемъ... Викторія Карева очень ловко вальсируетъ. Первый кадриль я танцовалъ съ Закревскою... Она не глупа, но дурна собою. Кадриль Галенковскаго такъ всѣмъ понравился, что вздумали Ник. Иванов. и другіе вызвать его, что произвело ужасный шумъ. Балъ кончился мазуркою; я танцовалъ съ Закревскою и былъ въ первой парѣ...

Октябрь. 7. Вчера была сватьба нашего Никифора, который женился на Кристинѣ... Послѣ церемоніи, вся сватьба пошла съ музыкою въ деревяный флигель и начались танцы. Я нѣсколько разъ ходилъ смотрѣть на танцующихъ. Исполненный духомъ украинской національности, я трепеталъ отъ радости при видѣ, какъ парубки и дівчата (sic) отплясывали; мало-по-малу я началъ вникать въ танцы, въ выраженіе лицъ, въ костюмы, которые такъ быстро измѣняются; началъ вспоминать при видѣ цвѣтовъ и шапокъ на головахъ дивчатъ и паробковъ—о милой нашей старинѣ... Притомъ я читаю Энеиду Котляревскаго, гдѣ такъ чистъ и вѣренъ нашъ языкъ.

1841. Январь. 10. Я прочелъ отрывокъ малороссійской исторіи Николая Маркевича и нашелъ въ ней нѣкоторые недостатки. Что мнѣ въ ней очень не нравится, это совершенное отсутствіе разсужденій, отсутствіе философіи, которая въ наше время составляетъ сущность и основу исторіи. Я давно уже постоянно думаю о Малороссіи нашей любезной, но еще ни разу не писалъ о ней. Мнѣ препятствуетъ главное—незнаніе ея исторіи;

я не могу себѣ простить, что до сихъ поръ не прочелъ то, что о ней написано.

11. Мнѣ кажется, что надобно прежде чѣмъ писать мысли о Малороссіи, опредѣлить ее въ географическомъ, этнографическомъ и политическомъ значеніи. Я знаю, что первый опытъ у меня будетъ безалаборный, просто набросанный въ безпорядкѣ, но послѣ изъ него можно будетъ составить другой.

Февраль. 16. Я началъ было писать мои мысли о Малороссіи, бросилъ, опять было принялся и опять бросилъ. Теперь бы могъ опять продолжать да никакой нѣтъ мысли серьозной въ головѣ. Рисуется вся картина козацкаго войска, Хочу сейчасъ же описать его въ видѣ отрывка изъ повѣсти. Я началъ читать 3-ю часть исторіи Малороссіи, Бантышъ Каменскаго...

Мартъ. 4. Вчера уѣхалъ отъ насъ *Петръ Петровичъ Скоропадскій* [1]). Я очень желалъ его видить и очень полюбилъ его. Вотъ украинецъ съ сердцемъ и съ разсудкомъ; любитъ свою страну отъ всей души, благородно, безкорыстно! Наши несчастные козаки очень его любятъ. Онъ живетъ въ Григоровкѣ, которая окружена большими козацкими селами *Бахмачемъ*, *Куренемъ* и другими, въ которыхъ еще осталось много національности. Всѣ деревни опустошены безпрерывными рекрутскими наборами; остались только слабые недоросли. Но въ Бахмачѣ, несмотря на то, еще много видно молодыхъ людей гигантовъ и женскій полъ замѣчателенъ еще своей красотой Нашъ Петръ Скоропадскій, спасибо ему, поддерживаетъ въ нихъ національность. Часто ѣздитъ онъ въ должности межеваго судьи, верхомъ, одѣтый въ кобенякъ и съ шапкой на головѣ. Одинъ разъ, онъ, будучи принужденъ ѣхать въ поле съ козаками для того, чтобы измѣрять ихъ земли, принадлежащія теперь казнѣ; онъ поѣхалъ съ ними въ поле и остановивъ лошадь поворотилъ ее къ старымъ козакамъ, ѣхавшимъ за нимъ верхами, и сказалъ на нашемъ языкѣ рѣчь, въ которой онъ объявилъ указъ—взять ихъ въ казну. Онъ не могъ докончить, сле-

[1]) Помѣщикъ Конотопскаго уѣзда, владѣлецъ с. Григоровки

зы брызнули изъ главъ его и покатились къ его толстымъ усамъ. Козаки были тронуты, иные плакали, а другіе одушевлялись и крикнули ему: *гайда! внукъ гетмана!* Какой крикъ! Бѣдные козаки, они вспомнили старину [1])... Не могу не перенесть сюда двухъ анекдотовъ, которые онъ разсказалъ. Въ эту зиму былъ, какъ уже 6 лѣтъ сряду ведется, рекрутскій наборъ. Въ Ромнѣ принималъ рекрутъ нашъ почтенный, старый украинецъ *Иванъ Александр. Якубовичъ*. Привели одного 22-хъ лѣтняго и 12-ти вершковаго козака. Разумѣется, что коммиссія сказала—*лобъ!* и молодцу отрѣзали чуприну! Бѣдный козакъ поплакалъ и ушелъ. На другой день онъ приходитъ къ Якубовичу: прошу вашей милости, добродію, сказалъ онъ со слезами.—А что тебѣ надобно?—„Огдайте мини, пане, мою чупрыну!"—„На что тебѣ твоя чуприна", спросилъ удивленный Якубовичъ.—„Пошлю ее моей невѣстѣ, отвѣчалъ козакъ, вона еи у себе буде ховать и про мене буде спомынать". *Богаме!* (?) вскричалъ тронутый Якубовичъ,—на̀ твою чуприну [2])! Какъ это прекрасно, изящно, полно поэзіи! воскликнулъ я съ нимъ.

---

[1]) О П. П. Скоропадскимъ намъ въ молодости приходилось много слышать разсказовъ отъ ближайшихъ его сосѣдей и мы, не обинуясь, можемъ сказать, что это былъ большой... фантазеръ, которому ничто не мѣшало разсказывать о томъ чего въ дѣйствительности никогда не было. Такъ и здѣсь. Увидѣвъ въ Галаганѣ увлекавшагося „національностью" юношу, Ск—ій не поскупился и передъ нимъ на *плоды своей фантазіи*. Никакой близости у Ск—го съ народомъ не было и не могло быть; не могъ онъ ѣздить, „окруженный верховыми козаками" по обязанностямъ своей межевой службы (не имѣвшей никакого активнаго значенія), никогда не могъ онъ говорить и какихъ либо подобныхъ рѣчей симъ козакамъ, будучи такимъ же *паномъ*, какъ и всѣ его сосѣди. Тѣмъ менѣе могъ онъ вызывать у „козаковъ" „крики и слезы", о которыхъ здѣсь говорится. Все отличіе П. П. Ск—го отъ другихъ мѣстныхъ помѣщиковъ заключалось въ томъ, что онъ нерѣдко надѣвалъ одежду народнаго кроя да перемѣшивалъ свой разговоръ малорусскими фразами. Въ 40-хъ годахъ явилась мода на подобныхъ людей, какъ результатъ чтенія „Исторіи Русовъ" и „Кобзаря" Шевченка. Послѣдній зналъ П. П. Ск—го и воспоминанія о немъ оставилъ въ стихахъ (—и доси чудно, якъ згадаю..)

[2]) Разсказъ о чупрынѣ тоже есть плодъ фантазіи разсказчика... Начать съ того, что рекрутамъ-козакамъ *брили не лобъ, а затылокъ* (отличіе отъ крестьянъ)' а за тѣмъ—какъ бы это Якубовичъ сохранялъ обритыя у рекрутовъ чуприны?..

Апрѣль. 4. Вчера, въ воскресенье, былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ дней этой весны. У насъ былъ праздникъ для всей секиренской молодежи. Вотъ съ чего началось: въ субботу вечеромъ, какъ и всякій день, мы дѣлали, мы поѣхали на выгонъ; тамъ множество дѣвокъ играли въ перепелочку и въ другія игры. Между тѣмъ *хлопцы*, ободренные въ тотъ вечеръ, какъ имъ раздавали пряники и груши [1]), подошли къ линейкѣ и начали пѣть прелестную малороссійскую пѣсню *чумака*. Въ это время подошли три козацкіе парубки. Я съ ними вступилъ въ разговоръ и они мнѣ сказали, что они бы спѣли лучше хлопцовъ. Тотчасъ маменька сказала мнѣ пригласить всѣхъ на воскресенье. Въ воскресенье погода, какъ нарочно, была прекрасная. Еще до 12-ти часовъ полдня, уже собралось множество дивчатъ и парубковъ; посереди луга начались танцы, было шесть музыкантовъ. Почти всѣ дѣвки со всего села сбѣжались на праздникъ, и около 60 паробковъ козацкихъ, прекрасно одѣтыхъ, ходили толпами по площади; другіе съ громкими пѣснями ходили по двору, подходили къ толпѣ танцующихъ дивчатъ; тамъ качались на качелѣ, смѣялись, кричали. Праздникъ еще болѣе оживился, когда принесли ведро горилки. Я безъ отдыха ходилъ въ толпѣ, разговаривалъ съ козаками, ободрялъ танцы. Между тѣмъ бросали въ толпу орѣхи, разносили сливы горѣлочные. Праздникъ былъ очень оживленъ. Послѣ обѣда пришелъ козацкій старшина, выборный и другіе ихъ чины; принесли другое ведро горилки, которое скоро было выпито. Пришли еще нѣсколько пожилыхъ козаковъ. Я съ козаками имѣлъ много разговоровъ, въ которыхъ я старался поддерживать національность. Они всѣ очень жалуются, да какъ и не жаловаться! Я говорилъ также съ старшими о томъ, какъ пала нравственность въ народѣ и чѣмъ должно поддерживать ее. Къ вечеру всѣ еще болѣе развеселились, играли въ перепелочку, въ ворона, въ чихарду, и народъ разошелся, когда совсѣмъ стемнѣло. А я былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ!

---

[1]) Ниже видно (17-го мая), что это были „горѣлочныя“ груши, т. е. взятыя изъ грушевой наливки.

Май. 1. Она пришла и будетъ мнѣ диктовать пѣсню, которую я долженъ пѣть, когда буду далеко отъ нея.

Ой що ты думаешъ, гадаешъ!
Десь ты мене покинуты маешъ.
Ой не кидай мене молодои,
Бо не знайдешъ такои другои!
Хочь и знайдешъ съ коньми да зъ волами,
Та не знайдешъ съ чорными бровами!
Хоть и знайдешъ да вже не такую,
Що згадаешъ мене молодую.
—Почимъ же ты, моя мила, знаешъ,
Що я тебе покинути маю?
Потимъ же я, мій миленькій, знаю,
Рано встаешь, коня наповаешъ,
У комору идешъ, жупанъ удягаешъ,
Въ свитлоньку идешъ, тяженько здыхаешъ!
Ой вернися, мій милый, вернися.
Варенои горилки напыйся!
—Не вернуся, мила, не вернуся!
Я въ дорози зъ криницы напьюся!

6. Вчера у насъ былъ очень милый и необыкновенный вечеръ. Гости, въ числѣ коихъ были и Почеки, собрались 4-го числа. Пятаго числа поѣхали въ *Ярки* завтракать. Въ это время пріѣхалъ и Григорій Степановичъ (Тарновскій, изъ Качановки) съ madame Луизой (?). Послѣ сего пошли обѣдать, а послѣ обѣда повели всѣхъ прогуливаться—звонъ колокола раздался въ готической бесѣдкѣ; всѣ пошли туда, и тамъ—Краузе игралъ на гармоникѣ. Оттуда пошли на каменный мостъ, а съ той стороны рѣки играла волторна. Съ мосту пошли всѣ на *ротонду*, гдѣ былъ готовъ чай, а между кустами играли квинтетомъ чудную sonate pathetique Бетговена. Вечеръ прелестенъ, соловьи пѣли со всѣхъ сторонъ, вода была какъ зеркало! Всѣ поѣхали по каралиной (?) дорогѣ, подъ ротондный мостъ и потомъ по берегу, *въ святой яръ*. Тамъ разноцвѣтные фонари висѣли на деревьяхъ и колодезь былъ прелестно освѣщенъ. Оттуда

мы поѣхали въ оранжерею, гдѣ былъ балъ до $2^2/_2$ часовъ утра Зала была прелестна. Во время между танцами, ротонда была освѣщена бенгальскимъ огнемъ, и музыка духовая играла на водѣ. Однимъ словомъ было превесело и всѣ развѣхались довольные.

17. Сегодня я провелъ, можетъ быть въ послѣдній разъ, очень весело цѣлый день среди народа. Послѣ обѣдни вскорѣ начался на выгонѣ *танецъ*. Въ часъ пополудни, я пошелъ туда и пригласилъ всю молодежь прійти въ дворъ послѣ нашего обѣда. Въ четыре часа, все, отъ качели до дому, было наполнено народомъ. Начались танцы. Между тѣмъ съ балкона сыпали орѣхи въ толпу. Въ 5 часовъ подали полудновать. Всѣ паробки были по одну сторону, а дивчата по другую. Были поставлены длинные столы, покрытые скатеретками. Было спечено 500 пироговъ, жаркое, паляницы, сало, сметана, масло и горѣлочныя груши. Разумѣется, что паробкамъ давали и горилку. Дивчата всѣ почти были очень хорошо одѣты, и на Татьянѣ выдѣлялась издали новая пунсовая запаска, которую и ей купилъ. Послѣ праздника начались снова танцы, которые были очень живы и веселы. Подъ вечеръ всѣ разошлись довольные, Я много говорилъ съ козаками и мужиками. Какъ я теперь сблизился съ ними!

За симъ слѣдуетъ описаніе заграничнаго путешествія Г. П. Г—на которое онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Чижовымъ. Выѣхавъ въ началѣ Іюня изъ Сокиренецъ, Г—нъ въ нач. октября находился въ Мюнхенѣ, записью о пребываніи въ которомъ оканчивается настоящая тетрадь дневника.

Проѣзжая отъ Бродъ въ „Лембергъ“, Г-нъ записываетъ: „кучеромъ у насъ былъ галиціецъ, въ кобенякѣ, въ которомъ капюшонъ обшитъ красными и синими шнурками; на тальѣ

также *усики* синіе съ краснымъ; на груди петли такія же; самъ же кобенякъ сѣрый. Лицемъ онъ былъ совершенный украинецъ, и здѣсь вообще по дорогѣ лица одни съ нашими, что меня удивляетъ, потому что на Волыни лица литовскія... До самаго Лемберга я встрѣчаю все очень близкое къ родному нашему: постройка хатъ, прикрышки (sic) ихъ, складка хлѣба, плетни, огороды, сады, способъ обработыванія полей и проч., и проч., все малороссійское".

Отрывокъ изъ дневника Г. П. Галагана за 1845 г.

Въ № 9-мъ 1898 года были напечатаны „Отрывки изъ юношескаго дневника Г. П. Галагана“ за 1836—41 годы. Характеристика этому дневнику была дана слѣдующая: „Отличительною чертою дневника Галагана является *искренность* автора и *правда* событій; такіе дневники пишутся только для себя. Дневникъ Галагана заключаетъ въ себѣ исторію мятущагося духа юноши, который ищетъ *прямой дороги* въ жизни и никакъ не можетъ ее найти, сбиваясь въ жизненныхъ противорѣчіяхъ“. Ту же самую характеристику придется повторить и по отношенію къ печатаемому теперь новому отрывку изъ его дневника за 1845-й годъ, когда Г. П. Галаганъ записывалъ разные факты, а главное—свои настроенія и впечатлѣнія, будучи уже не юношей, а совершенно зрѣлымъ по лѣтамъ человѣкомъ, т. к. ему тогда было уже 26 лѣтъ. Тутъ мы встрѣчаемся уже съ размышленіями его на болѣе глубокія темы, какъ напримѣръ—вопросы о народной нравственности, которую ему хочется исправлять, и вопросы объ экономическомъ положеніи своихъ крестьянъ, которое ему хочется улучшить. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ постоянно колеблется, такъ какъ власть помѣщика, распоряжающагося судьбами своихъ рабовъ, на каждомъ шагу сталкивается у него съ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ, и онъ въ одномъ мѣстѣ дневника записалъ слѣдующія характерныя строки,

говоря о томъ, что онъ *велѣлъ дать хлосту писарю*: „надобно напоминать этимъ людямъ для примѣру, но неужели нѣтъ другихъ средствъ? Можетъ быть и есть, но я довольно эгоистъ, чтобы потрудиться поискать ихъ,—высѣчь легче“. Или—въ другомъ мѣстѣ, говоря о видѣнной имъ бѣдности крестьянъ въ Ичнѣ,—онъ замѣчаетъ: „Сердце сжимается при мысли, какую я видѣлъ тамъ нищету, и надобно быть закоснѣлымъ такимъ, какъ я, чтобы послѣ этого спокойно ѣсть и пить и быть веселу, довольствовавшись только приказомъ о перестройкѣ хатъ. О, когда-нибудь воздастся мнѣ за это отъ Бога, отъ брата бѣдныхъ: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ“.

Книга для разныхъ замѣтокъ, въ томъ числѣ и о получаемыхъ и посылаемыхъ мною письмахъ 1845 года.

Генварь. 10. Выѣхалъ въ этотъ день изъ Сокиринецъ съ матушкой въ Яготинъ, гдѣ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ скончался 9-го числа, оплакиваемый многими своими крестьянами и посторонними. 11-го мы пріѣхали въ Яготинъ, а 12-го я пріѣхалъ въ Мосѣевку къ Татьянѣ Евстафьевнѣ Валковской (Волховской), гдѣ засталъ много гостей, но не такъ много, какъ обыкновенно. Много танцовалъ и пріятно провелъ время. 14-го поѣхалъ съ Лаврентіемъ Николаевичемъ въ Милютинцы на обѣдъ (къ Селецкимъ?) и тамъ мнѣ было пріятно. Ночевалъ въ Яблоновкѣ.

15.—Пріѣхалъ въ Сокиринцы, благодаря милосердаго Бога, благополучно и у воротъ встрѣтилъ всѣхъ нашихъ, которые поѣхали къ Михайлѣ Петровичу (Милорадовичу?) въ Калюжинцы. Онъ привезъ молодую жену къ цѣлой кучѣ дѣтей.

16.—Утромъ приходилъ крестьянинъ Игнатъ Гаевый съ своимъ зятемъ Гайдаемъ, и я далъ послѣднему на покупку вола 30 руб. асс. въ позыку; обѣщался отдать черезъ годъ и можетъ быть и раньше; впрочемъ онъ прибавилъ, что можетъ быть и „вы пане пидождете, якъ не розгадаю съ гришмы“. На это я ничего не отвѣчалъ, а они ушли съ благодареніями.

Приходилъ каретникъ просить позволенія жениться на дочери Демьяна Гнатка. Но его просьба не будетъ удовлетворена, потому что у Гнатка одна дочь и онъ мастеровой и притомъ графскій. Справедливо это или нѣтъ? Для этого надобно-бы потрудиться узнать, есть ли точно между молодыми людьми любовь, что при теперешнемъ развратѣ, который вкоренился въ селѣ, трудно предположить.

Приходилъ слѣпой солдатъ изъ Прилуки, изъ Кустовецъ, по прозванію Краснощека, просить помощи.

18.—Хотѣли сегодня ѣхать съ маменькою въ Прилуку и Густыню на похороны князя Репнина, но сдѣлалась страшная метель, и мы должны были остаться. Я хотѣлъ изъ Прилуки ѣхать прямо въ Гнилицу, а оттуда въ Мостище и въ Кіевъ.

Вчера я призывалъ Демьяна Гнатка и объявилъ ему, что каретникъ принадлежитъ графинѣ (Комаровской, сестрѣ Галагана), потому дочь его отойдетъ въ Пѣски. Онъ отвѣчалъ, что если такъ, то нехай останется дочка, може и другій найдется, а вона ще молода. Онъ хотѣлъ ее отдать замужъ съ тѣмъ, чтобы имѣть помощника. Приходилъ еще Ильченко просить позволенія женить сына; ему позволено. Приходилъ Матвѣй Карпецъ, что живетъ въ Свинячемъ яру возлѣ Матюшенка; хочетъ женить сына на дочери Федора Сенчука; позволено.

Вечеромъ приходилъ Кутовій изъ Ични просить позволенія выдать дочь за козака. Ему отказано отъ маменьки; тогда онъ пошелъ ко мнѣ, кланялся въ ноги, увѣрялъ, что его дочь полюбила козака; я ему отвѣчалъ, нисколько нетронутый его просьбами: что мы теперь ни за что не будемъ выдавать дѣвокъ въ Ичнѣ за козаковъ, потому что лучшія выходятъ, а наши парубки остаются безъ невѣстъ; и притомъ, что это переводня; что я знаю давно, что дѣлается въ Ичнѣ, что тамъ богатые всѣмъ пользуются, а бѣдные нищи, что я примусь за Ичню и тогда все переверну тамъ. Сколько ни просилъ Кутовій, но ему отказано. Сегодня утромъ пріѣхали изъ Ични: Михайло десятникъ и тотъ козакъ, котораго сынъ хочетъ жениться на Кутовой дочери; пришли ко мнѣ, просили о томъ же и имъ съ

тою же жестокостью отказалъ, и говорилъ еще о злоупотребленіяхъ, которыя происходятъ отъ этого; они начали меня увѣрять, что тутъ любовь. Михайло, которому я уже давно далъ право быть фамильярнымъ, прибавилъ, что „подумайте! они за васъ будутъ Бога молить, и вы можете быть въ ихъ положеніи". Признаюсь, что я колебался съ минуту, думалъ, что если въ самомъ дѣлѣ тутъ любовь, она такъ рѣдко случается между мужиками, неужели и тутъ уничтожить ее? Но какъ подумалъ объ Ичнѣ и теперешнемъ ея положеніи, отвѣчалъ рѣшительно: *нѣтъ!* Какъ легко тамъ показать твердость воли, гдѣ неограниченная власть! Но благородно ли—вотъ вопросъ. Вообще Ичня теперь (кстати о ней) очень меня занимаетъ и огорчаетъ. Вслѣдствіе нерадѣнія управляющихъ и насъ самихъ, эта Ичня такъ запущена, что дошла до крайности. Монополія богатыхъ въ сильнѣйшей степени, бѣдность въ шестидесяти четырехъ семействахъ, неимущихъ земли, ужасна. Притомъ у остальныхъ земля вся заложена у разныхъ людей, у нашихъ и дядинькиныхъ, и у козаковъ. Народъ избалованъ въ сильной степени, доходитъ даже до непослушанія. Я полагаю, что тамъ дворяне и козаки всему причиною: они научаютъ нашъ народъ дурному и сами же надъ нами смѣются. Я думаю, что тамъ надобно повернуть крутыми мѣрами: 1) Отобрать даромъ всѣ заложенныя земли и отдать ихъ владѣльцамъ,—это лучшій урокъ, чтобы они не закладывали впередъ; Войцеховскій совѣтуетъ, чтобы отобрать съ посѣяннымъ житомъ, и я съ нимъ согласенъ по жестокосердію моему. 2) Отобрать у козаковъ всѣхъ наймитовъ и наймичекъ и подать на нихъ бумагу, какъ на передержателей бѣглыхъ, потому что они не имѣли никакого позволенія отъ экономіи. Не знаю почему, но всѣхъ козаковъ, особенно Сокиринскихъ, мнѣ жалко, но Иченскихъ, хотя и жалко, но они такъ богаты и такое зло дѣлаютъ нашимъ крестьянамъ, что ихъ надобно поучить и попугать добре. Разумѣется, что мы сами виноваты гораздо больше, нежели козаки, но чтобы прекратить весь этотъ ералашъ, надобно повернуть круто; это послужитъ нашимъ же людямъ въ пользу. Что! Вотъ тебѣ благодарное поприще показать

деспотическую власть, заставить себя бояться слабѣйшихъ тебя людей, быть жестокимъ, неумолимымъ. До сихъ поръ я былъ ничто; начну же съ того, что буду притѣснять слабѣйшихъ! Какое начало! Впрочемъ извиню себя тѣмъ, что все это я бы могъ по прежнему возложить на другого, а самому послѣ явиться милостивцемъ; и то достойно только слабаго, и въ томъ нѣтъ благородства. Не скрою, что въ этихъ предполагаемыхъ реформахъ въ Ичнѣ играетъ (роль?) мое самолюбіе; хочется, чтобы обо мнѣ говорили, чтобы меня боялись тѣ, которые было даже забыли, что они мои рабы,—теперь они будутъ трепетать: какой признакъ ничтожества! Это должно прибавить новый укоръ моей почти замершей совѣсти.—

24. *Мостище.*—21-го числа я выѣхалъ изъ Сокиринецъ въ Кіевъ съ грустью въ сердцѣ; и не одна разлука съ матушкой и съ другими и наконецъ съ Сокиринцами были причиною грусти; нѣтъ! убѣжденіе, что я ѣду безъ цѣли, безъ желанія,—это и много кое чего было причиною грусти. Пріѣхавши въ Прилуку, я почелъ нужнымъ сдѣлать расправу въ экономіи за безпорядки писаря. Для того я призвалъ ихъ обоихъ, разругалъ и велѣлъ писарю бить приказчика по щекамъ, послѣ чего велѣлъ приказчику, который плакалъ и извинялся, дать *хлосту* писарю; тотъ прибѣжалъ, говорилъ, что онъ не перенесетъ этого, но я его прогналъ, и ему дали тридцать розогъ. Онъ точно пьетъ и не исполняетъ своей обязанности, а приказчикъ вовсе не смотрѣлъ за нимъ. Надобно напоминать этимъ людямъ для примѣру, но неужели нѣтъ другихъ средствъ? Можетъ быть и есть, но я довольно эгоистъ, чтобы потрудиться поискать ихъ: высѣчь легче. Въ Гнилицѣ я провелъ сутки, и все время была метель, но не смотря на то я все объѣздилъ; здоровы слава Богу, переносимъ все. Въ Гнилицѣ безпорядокъ страшный, который если описывать, то надобно наполнить всю книгу; скажу одно, что ко мнѣ приходила свадьба и бояре, изъ которыхъ одинъ, Могила, такіе молодцы (sic), что у меня сердце развеселилось. Въ конномъ заводѣ все въ порядкѣ; тамъ нѣмецъ Гофманъ, славный нѣмецъ. Въ Мостищѣ также все въ безпорядкѣ. Чтобы узнавать,

есть ли у крестьянъ хлѣбъ, я ходилъ по хатамъ; нашелъ, что нищеты слава Богу нѣтъ. Во многихъ хатахъ меня не узнавали и принимали за какого-нибудь должностного. Характеръ мужиковъ здѣсь какъ то разнится отъ сокиринскихъ и гнилицкихъ; кажется, что здѣсь народъ не такъ хитеръ. Женщины очень красивы; выговоръ разнится во многомъ отъ степного. Многіе изъ мужиковъ имѣютъ очень хорошенькія хаты и весьма живописныя.— Если маменька рѣшится отказать Николаю Фомичу, то пока найдемъ другого, я самъ хочу заняться управленіемъ Гнилицы, Прилуки и Мостища. Боюсь за успѣхъ: оно съ виду кажется гораздо легче, нежели на самомъ дѣлѣ; я боюсь за себя во 1-хъ, потому что я вовсе не пріучилъ свою голову къ постоянному серьезному думанію и къ разсчету, и потому меня очень легко обмануть въ вѣдомостяхъ, а во 2-хъ, что я слишкомъ занимаюсь мелочами, которыя хороши въ созерцательной жизни, которую я теперь веду, а не въ положительной жизни хозяина; меня занимаетъ физіономія мужика, его костюмъ, манера говорить и т. п. и потому я очень могу легко пропустить вещи серьозныя за мелочами. Впрочемъ что будетъ—то будетъ, и во всякомъ случаѣ я съ большою жадностью ожидаю этихъ занятій, которыя послужатъ лучшимъ мѣриломъ моихъ силъ. Сначала надобно будетъ употребить строгость, которую я даже теперь начинаю уже показывать, строгость..... *Засимъ въ тетради вырѣзано нѣсколько листковъ.*

. . . у козака волъ, да еще у двухъ или трехъ мужиковъ по мелкой штукѣ, но впрочемъ по большей части скоть болѣетъ и выздоравливаетъ; такъ у Ященка заболѣло 6 штукъ и выздоровѣли, у Василія Чарныша 3 штуки и также выздоровѣли. Не знаю, какъ продолжится, но до сихъ поръ остается только благодарить Бога, если сравнить съ опустошеніемъ произведеннымъ въ другихъ селахъ; овцы также падутъ (падаютъ?) отъ *метелицы*. Кромѣ того отъ необыкновенно долговременной зимы, которая началась съ первыхъ чиселъ ноября, и не дальше какъ вчера было еще 12 градусовъ морозу, у крестьянъ истощился запасъ пши для скота, и многіе уже закладывали платье, чтобы ку-

пить соломы. Видя это, я предложилъ маменькѣ подарить имъ скирду или двѣ Лебединскаго сѣна, съ тѣмъ, чтобы прежде осмотрѣть запасы каждаго и потомъ каждому выдать по запискѣ, кому на сани, а кому на грынджолы; мое предложеніе было принято съ радостью, и вышло по справкѣ приказчика и моей до 35 хозяевъ нуждающихся. Первые поѣхали *горяне*, а на другую недѣлю *бочане*; они остались очень довольны этимъ распоряженіемъ, и многіе благодарили, какъ за благодѣяніе. Слѣдовательно этому горю мы помогли. Но другое несчастье вмѣстѣ съ падежомъ посѣтило Сокиринцы: сильная оспа на дѣтей отняла отъ 30 до 40 ихъ у несчастныхъ родителей; это горе все равно для меня, что ножъ въ сердце, потому что мы виною этого. Экономія не обращала на оспу вниманія и она въ послѣдніе 4 года не была привита. Это вѣчно останется на моей совѣсти, потому что я долженъ былъ на это обратить вниманіе; но это ошибка неисправимая. Особенно жалко людей такихъ, какъ Ѳома Митрошенко и Михайло Павловъ Горбачъ, которые имѣли каждый по двое дѣтей и всѣхъ лишились; такихъ примѣровъ нѣсколько. Кромѣ того здоровье людей не хорошо, вѣроятно отъ продолжительныхъ холодовъ: около 8-го числа сего мѣсяца умерли скоропостижно Могилка, оставивши въ нищетѣ свое семейство, и вдова Горбачева, которая оставила двухъ сыновей, очень молодыхъ; вслѣдъ за ними умеръ Волкъ послѣ недолговременной болѣзни и, не знаю почему, онъ не былъ отправленъ въ больницу. Потомъ умерла почти скоропостижно Деріева, молодая женщина, жена садовника Аникѣя. Наконецъ, на дняхъ, мы лишились одного изъ лучшихъ нашихъ крестьянъ—Лукьяна Горбача, который умеръ въ нѣсколько часовъ отъ застуженной рожи. Это былъ человѣкъ, котораго я ставилъ въ примѣръ другимъ; онъ оставилъ жену, сына Совонтія, котораго недавно женилъ на одной дегтяревской, молодецъ собою, сына Якова еще малого и четырехъ дочерей, изъ коихъ старшей 15 лѣтъ. Но за нихъ можно быть покойну, по крайней мѣрѣ пока жива ихъ мать. Вотъ главные факты довольно несчастливые, которые случились за это время. Теперь вотъ факты особенные: кажется, что

крестьяне остались нами довольны за помощь, оказанную имъ въ пашѣ; кромѣ того, что больше 35 человѣкъ ѣздило по реестру приказчика въ Лебединцы за сѣномъ, еще многіе, т. е. человѣкъ 10, приходили ко мнѣ за записками, которыя я имъ выдавалъ; это загладило маленькое неудовольствіе происшедшее отъ нововведеній Войцеховскаго. Онъ жалуется, что сокиринчане худо работаютъ и, разумѣется, что на эти его жалобы je fais la sourde oreille; для успѣшнѣйшей работы онъ заставляетъ работать по урокамъ, которые иногда довольно сильны. Кромѣ того, онъ нашелъ у здѣшняго приказчика маленькія плутовства, которыя однако не мѣшаютъ ему быть отличнымъ приказчикомъ; онъ его погонялъ, а лебединскаго приказчика также погонялъ за что-то и, не знавши хорошо человѣка, велѣлъ ему при людяхъ, чтобы онъ ихъ билъ за неисправныя работы. Оба брата взбѣленились на народъ, первый изъ досады, а второй получивъ на это позволеніе, будучи сердитъ на лебединскій народъ. О первомъ, т. е. о Михайлѣ, я тотчасъ узналъ отъ сокиринчанъ и изъ наивныхъ разсказовъ П. О второмъ же я узналъ непріятнымъ образомъ. Онъ написалъ рапортъ управляющему, въ которомъ доноситъ, что лебединскіе мужики, въ числѣ 6 человѣкъ, на него бросились и пр., и скоро послѣ того явились ко мнѣ 4 изъ лебединскихъ мужиковъ: Куликъ, Хоменко, Тихенко и Килонширенко, бросились въ ноги и начали на приказчика жаловаться самыми убѣдительными рѣчами, говорили, что они всѣ пропадутъ, если я не заступлюсь за нихъ и т. п. Будучи въ Лебединцѣ на возвратномъ пути изъ Пѣсокъ, я бранилъ очень приказчика и, кажется, что онъ меня понялъ. Лебединскіе крестьяне, точно, разбалованы и жестокіе воры по большей части, но мнѣ жаль сокиринчанъ. Въ Лебединцѣ есть гнѣздо, изъ котораго выходитъ все зло,—это Андрусенко и Колонширенко: первый—человѣкъ, который только по непростительной ошибкѣ Николая Фокича не сосланъ въ Сибирь за насиліе дѣвокъ, а второй по своему обрусѣвшему виду не понравился мнѣ съ перваго взгляда, да и вышелъ бездѣльникъ. Нужно будетъ рѣшиться на строгую мѣру, а именно: пересе-

лить ихъ обоихъ изъ Лебединца; такихъ людей и не жалко. Я ѣздилъ въ Пѣски, гдѣ, кажется, народъ доволенъ и нами, и Лизогубомъ; тамъ мужики: Бликъ, Жвинка, Свяченскій—молодцы, стоющіе добрыхъ козаковъ. Въ хуторѣ Литви молотило 40 человѣкъ; я имъ, по ихъ просьбѣ, позволилъ молотить за пашу, и велѣлъ дать въ позыку сѣмянъ на посѣвъ неимущимъ. Въ Сокиринцахъ, ходивши спрашивать о пашѣ, я прошелъ всю Сакаливку и былъ у Сакаловъ, которые мнѣ сказали, что не нуждаются; они порядочно живутъ; былъ у Данилы сапожника, который нуждается, и потомъ, проминувши многихъ, пошелъ къ Степаненкамъ, у которыхъ я ни разу не былъ: они живутъ очень уютно и съ большими удобствами; у Биленковастика я былъ у того, который имѣетъ двухъ женатыхъ сыновъ; онъ, кажется, очень порядочный человѣкъ и сыновья также. Былъ я также у Остапа Жилы, котораго прикавчикъ было обидѣлъ панщиною. Его жена хочетъ сдѣлать завѣщаніе, въ которомъ отпишетъ все свое имѣніе сынамъ, чтобы послѣ ея смерти не безпокоили бы зяти ея любимаго Іосифа. Я еще былъ у многихъ крестьянъ, но теперь не припомню, и мое записываніе будетъ безполезно или я не буду занисывать каждый день, что я видѣлъ или слышалъ по этой части; но вотъ что припомню. Былъ у Андріяна Фесенка; какъ я люблю это семейство! Когда я вошелъ къ нимъ, то дома были только одни дѣти: Катерина, Иванъ и Ларіонъ; они сидѣли и выбирали пшеницу; Андріяна не было дома, а Александръ пошелъ за теткою. Между тѣмъ, какъ я ожидалъ ихъ прихода, дѣти говорили мнѣ на мой вопросъ разныя молитвы, прекрасно ими выученныя. Потомъ пришли Андріянъ и его тетка. Я завелъ разговоръ о томъ, что надобно бы Андріяну жениться. Онъ очень покраснѣлъ и сказалъ, что уже сватался, и назвалъ на комъ, но не знаетъ позволятъ ли: я обѣщалъ ему похлопотать за него; разумѣется, въ этомъ дѣлѣ между нами не чистая (sic) вещь, но что же дѣлать,—теперь такъ часто выходятъ дѣвки замужъ не честны, что въ этомъ случаѣ можно его въ томъ отношеніи извинить, что онъ можетъ быть увѣренъ, что эта дѣвка не отъявленная потаскушка, и такъ какъ не по своей волѣ по-

теряла невинность, то можно даже сказать, что хорошаго поведенія. Ахъ какъ бы мнѣ хотѣлось устроить судьбу ихъ обоихъ! Былъ еще нѣсколько разъ у Савуленковой или Евусевой, которая очень больна чахоткой. Ея дочь Анна прехорошенькая, и такъ какъ еще молода, то я надѣюсь, что она сохранится честно. Я имѣю теперь на примѣтѣ четырехъ дѣвочекъ 14 лѣтъ, о которыхъ буду стараться, сколько позволяетъ приличіе, чтобы они сохранились въ хорошей нравственности и вышли бы замужъ честными, это: 1) Савуленкова, о которой будетъ стараться мать, 2) Марта Фесенкова, на которой нравственность я надѣюсь, но все-таки надобно, чтобы за нею смотрѣли и защищали бы ее тетка, Андріянъ и будущая жена его, 3) меньшая дочь Жилы Остапа, хорошенькая дѣвка, за которою по моему требованію строго смотрятъ отецъ и мать и 4) дочь Демьяна Гнашки, за которой хотя и ухаживалъ каретникъ, но увѣряетъ отецъ и другіе, что дурного ничего не было, и какъ единственную дочь онъ ее сохранитъ, я надѣюсь. Вотъ пока четыре дѣвки, надъ которыми я буду наблюдать и увижу результатъ, который скажется послѣ ихъ замужества. Недавно я зазвалъ къ себѣ Степаниду, нашу добрую хозяйку, на которой рѣшительно опирается весь порядокъ въ домѣ, и мы долго проговорили съ нею о нравственности женщинъ на селѣ. Много интересныхъ фактовъ слышалъ я отъ нея, интересныхъ, но вмѣстѣ очень неутѣшительныхъ,—напротивъ, приводящихъ въ отчаяніе; не хочу, да и слишкомъ много ихъ, всѣхъ пересказывать; скажу только, что въ ея словахъ даже я нашелъ слабый лучъ надежды, способы поправить несчастье; надобно надѣяться на Бога, на его помощь и покровительство въ этомъ случаѣ и работать неусыпно и не смотря на кучу препятствій. Степанида женщина опытная, съ которою можно посовѣтоваться.

На первый случай я взялъ вотъ какія мѣры: строгій приказъ родителямъ смотрѣть за дочерьми и обѣщанія награжденія дѣвки, напр.—телицу и т. п. Я объ этомъ говорилъ маменькѣ. Разумѣется, что это дѣло приличнѣе для нея, нежели для меня: надобно такъ, чтобы наблюденія дѣлалъ я, а награды будутъ отъ маменьки. Въ

это время также я разсудилъ предлинный и безтолковый процессъ между Павломъ поваромъ и его зятемъ Игнатомъ Горбачемъ. 15 числа и 16 я былъ въ Ичнѣ и ходилъ съ Войцеховскимъ и приказчикомъ по мѣстечку, по правой сторонѣ рѣки; насъ водилъ войтъ Дорошенко и указывалъ хаты. Сердце сжимается при мысли, какую я видѣлъ тамъ нищету, и надобно быть закоснѣлымъ такимъ, какъ я, чтобы послѣ этого спокойно ѣсть и пить и быть веселу, довольствовавшись только приказомъ о перестройкѣ хатъ. О, когда нибудь воздастся мнѣ за это отъ Бога, отъ брата бѣдныхъ, ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

28 марта. Отъ 23 по сіе число опять не записывалъ, трудно мнѣ привыкнуть разомъ къ постоянному порядку. Съ сегодняшняго дня началась рѣшительная весна.

31 марта. Погода чудная, сегодня 12 град. тепла въ тѣни, и снѣгъ быстро таетъ, вездѣ потоки, но черезъ ледъ еще ѣздятъ. Какія были особенности въ это время, не знаю, не могу припомнить;—что то въ родѣ тоски, напитанной досадою тяготитъ у меня на груди. Какъ всегда, моя мысль не оставляетъ меня и къ счастью теперь довольно часто приходитъ меня мучить. Но впрочемъ я такъ созданъ, что если все около меня очень пріятно, то я почти забываю то, что должно помнить лучше всего для спасенія души; но за то малѣйшее непріятное обстоятельство достаточно, чтобы я опять обратился внутрь себя и чтобы вся моя грусть и тяжесть воротились. Сегодня утромъ я былъ на Пашковкѣ у Антона Коваленка, котораго засталъ одного съ женою и въ гостяхъ у нихъ козака. Онъ бѣденъ и живетъ въ землянкѣ, т. е. въ хатѣ, которая по окна устроена въ землѣ. Онъ очень обрадовался, увидя меня и нѣсколько разъ цѣловалъ; я спрашивалъ, отчего у него такая хата, онъ отвѣчалъ что никакъ не разстарается, но что, хотя у него и нѣтъ земли, онъ завелся скотиною, имѣетъ корову и быка. Жена его ослѣпла на одинъ глазъ вслѣдствіе долговременной болѣзни; я спросилъ у него, зачѣмъ его сынъ былъ приведенъ въ больницу весь оборванный до ужаснѣйшей степени, на что онъ отвѣчалъ, что его взяли неожиданно, но у него есть лучшее платье. У этого му-

жика еще двѣ дочери, обѣ взрослыя, одна ходила по наймамъ, но теперь взята домой для помощи матери, часто больной. Объ Антонѣ Коваленкѣ ничего дурного не слышно, надобно будетъ ему помочь. Теперь почти на половинѣ нашихъ хатъ прибиты досточки желтыя, съ надписью имени, прозванія и номера; по крайней мѣрѣ видно своихъ.

1 апрѣля. Сильная вода хлынула съ поля и со всѣхъ мѣстъ и по недосмотрительности приказчика нашу большую греблю вырвало подъ лотоками. Я почти весь день провелъ тамъ и, не смотря на воскресенье, люди проработали день и ночь, и почти тщетно. Работники въ числѣ отъ 40 до 50 были всѣ *бочане* [1]). Я сжалившись, видя ихъ стоящихъ въ водѣ выше колѣнъ, велѣлъ имъ всѣмъ дать по чаркѣ горѣлки, исключая двухъ или трехъ отъявленныхъ пьяницъ, въ числѣ ихъ Грыцько Яковенко (братъ Павла повара) и Павло Ширникъ.

2 апрѣля. Опять былъ на плотинѣ, которая мало подаетъ надежды; три четверти воды изъ пруда вытекло, и собаки начинаютъ таскать мертвую рыбу. Сегодня работаютъ *горяне*. Въ нихъ, точно, есть больше украинскаго въ физіономіяхъ,—отчего не знаю, можетъ быть близость къ дворовымъ изгладило физіономію у бочанъ. О нѣкоторыхъ крестьянахъ, которыхъ я еще не зналъ, я разспрашивалъ у приказчика. Былъ также и на Магеровщинѣ, гдѣ вода шла всю ночь черезъ плотину и прорыла себѣ путь подъ грунтомъ козака Полковниченка. Артемъ Чорнышъ мельникъ и Михайло Горбачъ, старикъ, показывали мнѣ опустошенія, произведенныя водою.

3 апрѣля. Около половины марта я, будучи у Антона Ивченка, узналъ, что жена его брата Петра, который очень меня интересуетъ по своей благородной наружности, *на тыжни* [2]) у Петра Никитича; мнѣ пришла мысль, испугавшая меня, я подумалъ: и вотъ мы требуемъ доброй нравственности отъ людей, когда мы посылаемъ отъ молодого мужа жену, которая вышла

[1]) Вѣроятно жители той или другой части с. Сокиринецъ.

[2]) Т. е. на недѣльной работѣ.

за него шесть мѣсяцевъ тому назадъ, на тыждень въ такое мѣсто, гдѣ множество холостой молодежи. Какихъ послѣдствій можно ожидать отъ этого? Мое сердце облилось кровью и взбунтовалось противъ самого себя; почему я объ этомъ не подумалъ прежде? Возвратившись домой, я тотчасъ передалъ маменькѣ мою мысль, и вслѣдствіе этого въ тотъ же вечеръ былъ строгій данъ приказъ: отнюдь не брать на тыжни не только дѣвокъ, о чемъ былъ еще и прежде приказъ, но и молодыхъ женщинъ и вообще хозяекъ, а брать: бездомныхъ вдовъ, накритокъ и старыхъ дѣвокъ.

4 апрѣля. Приходилъ ко мнѣ утромъ Иванъ Тудень, мужъ красильщицы Авдотьи, просить въ позыки грошей на вола. Я ему далъ отвѣтъ тотъ же, что и Степаненку и Спиридону, т. е., что у меня нѣтъ денегъ, а когда будутъ, то я дамъ. Теперь время подумать о той мысли, которая еще осенью родилась во мнѣ: т. е. объ оборотной помощи людямъ. У насъ многіе мужики брали въ позыку деньги на воловъ, но весьма немногіе отдали деньги. Иные въ самомъ дѣлѣ не могутъ, по причинѣ дешевизны всего того, что онъ продаетъ, и дороговизны того, что покупаетъ, но все-таки отдаютъ по частямъ; другіе же, отчасти по безпечности, а отчасти надѣясь на милость, и не думаютъ отдавать; между тѣмъ необходимо съ нихъ взыскивать, потому что, даривши эту сумму одному, отымаешь ее отъ другого. А такъ какъ деньгами съ нихъ взыскивать въ теперешніе годы очень затруднительно и для нихъ, и для насъ, то нельзя ли взыскивать съ нихъ работою, обращая ихъ трудъ въ пользу другимъ крестьянамъ. Подумавши, вотъ какое я нашелъ средство: у насъ много такихъ крестьянъ, которые нуждаются въ починкѣ старыхъ хатъ, а иные въ постройкѣ новыхъ. Купивши для нихъ лѣсъ, можно его вывезти и даже построить хату, вплести и т. п.—трудами должниковъ-крестьянъ, оцѣнивши трудъ на деньги, и столько выключать изъ должной суммы.

12 апрѣля. Въ это время я очень много обращался съ народомъ, безпрестанно будучи на дворѣ, много ѣздивши верхомъ по селу и видя много крестьянъ на работахъ; между тѣмъ, что

нужнѣе всего записать,—это, что у меня еще три человѣка просили грошей въ позыку на вола: старикъ Афанасій Коваленко, Петро Грышко, сынъ вдовы, молодой человѣкъ, и сегодня Федоръ Горбачъ, братъ покойнаго Лукіяна; какъ я съ ними раздѣлаюсь,—не знаю. Сему послѣднему можно дать деньги въ руки; что же касается до тѣхъ, то лучше поручить Чернышу, когда онъ поѣдетъ въ Прилуку на ярмарку покупать воловъ, чтобы онъ и имъ купилъ, продавши тотъ скотъ, который они хотятъ продавать. Я говорилъ съ приказчикомъ о моей мысли на счетъ способа получать съ крестьянъ обратно занятыя ими деньги посредствомъ взаимной помощи крестьянъ; онъ говоритъ, что это можно будетъ сдѣлать. Старикъ Иванъ Сенчукъ взялъ у маменьки въ позыку 10 рублей на покупку лѣса для хаты. Ѣздивши на моемъ Жарондѣ на жита, которые слава Богу подаютъ надежду, я останавливался у его хаты и говорилъ съ нимъ. Этотъ человѣкъ похоронилъ 16 душъ въ свою жизнь, изъ коихъ 4 души были его дѣти, по большей части взрослыя; двѣ дочери взрослыя, а сынъ женатый, который умеръ вслѣдствіе побоевъ Коваленка во время его приказчицтва. Вотъ уже 5 дней, какъ люди сѣютъ. Я былъ вчера въ хуторѣ и отпустилъ иченцевъ домой; они пошли съ большой радостью, потому что Пасха приближается. Теперь метутъ у насъ садъ дѣти, хлопци и дивчата, и имъ даютъ обѣдъ; поколѣніе это довольно порядочное, только что мальчики обѣщаютъ изъ себя мелкихъ людей; что касается до теперешнихъ мужчинъ, то во время работъ не плошаютъ; я имѣлъ время разсмотрѣть ихъ: это славный народъ, большей частью здоровый и притомъ имѣющій отпечатокъ патріархальной доброты на лицѣ; во время работъ на плотинахъ они вообще были веселы, часто слышны были между ними шутки, смѣхъ, и они работали отъ души. Не знаю только, почему они такъ мало усердны къ церкви, что и теперь на плащаницѣ было ихъ очень мало и вчера на Страстяхъ также. Сегодня хотѣли мыть полъ въ домѣ, внизу, въ корридорахъ, дѣвками, пригнанными изъ села, я увидѣлъ въ окно, какъ онѣ входили, пошелъ на нихъ посмотрѣть, вообразилъ себѣ, что ихъ родителямъ очень должно быть горько посылать свою

дытыну во дворъ мыть полы; это унизительно; это противъ моей совѣсти, противъ моего желанія поставить крестьянина-земледѣльца какъ можно на благороднѣйшую ногу, и особенно его женъ и дочерей. Я пошелъ къ матушкѣ и сказалъ ей объ этомъ, представивши ей, что это даже непристойно, заставить дѣвокъ мыть тамъ, гдѣ таскаются безпрестанно мужчины; она сейчасъ велѣла ихъ отпустить и дать мыть полъ мальчикамъ, не смотря на всю досаду Ивана Кузьменки. Сторожа вытерли полъ, который остался почти такимъ же грязнымъ, но за то въ другой разъ не позовутъ дѣвокъ изъ села. (*На этихъ словахъ запись 1845 г. кончается*).